

Святослав Логинов

Мёд жизни (сборник)

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165341
Мёд жизни: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-007879-X*

Аннотация

Эта книга – сборник «малых» произведений признанного мастера отечественной фантастики. Драконы и маги, вампиры и оборотни, древние герои и наши современники гармонично уживаются на страницах книги, способной украсить любую коллекцию. Сам автор относится к рассказам с невероятным трепетом, считая эту литературную форму наиболее выигрышной. Многие из представленных здесь произведений публикуются впервые.

В сборник вошли произведения:

- Книжник
- Страж перевала
- Квест
- Мёд жизни
- Змейко
- Единая пядь
- Драконы Полуночных гор
- Оберег у Пустых холмов
- Дом у дороги
- Яблочко от яблоньки
- Хозяин
- Monstrum Magnum
- Фазовый переход
- Огород
- Квартира
- Машенька
- Коммуналка
- Живые души
- Замошье
- К вопросу о классификации европейских драконов
- К вопросу о природе вампиров
- Мемурашки

Содержание

Фэнтези	4
Книжник	4
Страж перевала	16
Квест	34
Мёд жизни	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Святослав Логинов

Мед жизни

Если силы зла озлились, а силы добра раздобрили – жди новый роман.

Святослав Логинов

Фэнтези

Книжник

*За древней книгой он сидит,
Её внимательно читая.*

А. С. Пушкин

Владельца постоянного двора можно было понять: если и вправду к полудню разыгрался трёхдневная метель, то было бы глупо лишаться единственного богатого постояльца. Новые путники за это время вряд ли прибудут, а этот, ежели останется на днёвку, уже никуда не денется. Потому и не жалел трактирщик красноречия, обещая господину путешественнику настоящую горскую кухню («Вепрятина с грибами, милорд! Последние в этом году свежие грибы и первый вепрь, затравленный по пороше! Такое попробовать – сегодня или никогда!») и вино урожая двадцать восьмого года («Бочку уже выкапывают!»).

Самое удивительное, что всё обещанное было чистой правдой, разве что бочку покуда не тревожили, понимая, что, если состоятельный путник уедет, пить дорогое вино будет некому. Местные гуляки, конечно, соберутся на праздник и грибного вепря слопают, но винцо им сойдёт и поплоче. Ещё более удивительным казалось, что хозяин ни разу не попытался напугать путешественника трудностями пути, слухами о разбойниках и перспективой замёрзнуть, ежели пурга застигнет посреди дороги. Само по себе предполагалось, что путники успеют к обеду достигнуть каких-то Берложек, а уж там наверняка застрянут на все три дня.

– Вы лучше у меня!.. – внушал хлебосольный трактирщик. – Нечего благородному человеку в Берложках делать: ни еды приличной, ни обхождения. Только и есть радости, что тепло. А до Крепостиц вам допрежь метели никак не уложиться. Так и будете маяться в одном переходе.

– С чего ты решил, – медленно спросил Асартан, – что я собрался в Крепостицы?

– Так этой дорогой никуда больше не попасть! Летом, само собой, можно пробираться через перевал в Поречье, хотя добрые люди там и среди лета не ходят, одни контрабандисты и прочий сброд, кому пореченские заставы стороной обойти надо. А зимой вовсе пути нет, только до Крепостиц. Конечно, моё дело – сторона, я могу поверить, что вы в Берложки погостить собрались или в Поречье среди зимы пройти вздумали, но только в деревне всякая собака знает, что вы идёте в Крепостицы к Книжнику.

– Врать не стану, – легко согласился Асартан, – мы действительно идём к Книжнику. И надеюсь, успеем добраться прежде вашей хваленной метели.

«Прежде чем Книжник успеет заслониться метелью...» – добавил он про себя.

– Не успеете... – вздохнул трактирщик. – В Берложках застрянете.

«Ещё полчаса болтовни – и точно застрянем», – подумал Асартан.

По счастью, дверь распахнулась, показался Колпин.

– Лошади готовы! – хрипло объявил он.

Колпин исполнял должности телохранителя и слуги, хотя рожа у него была самая бандитская. И если бы только рожа! Всего год назад Колпин считался самым опасным грабителем южных графств. Но потом его путь пересёкся с дорогой Асартана, и разбойник пошёл в услужение. Конечно, можно было бы попросту отправить его на виселицу, но Асартан не любил уничтожать людей, если из них можно сделать что-то путное. А слуга из Колпина получился расторопный и не задающий лишних вопросов.

Асартан легко вскочил на лошадь.

– Будь удачлив, кабатчик! На обратном пути мы непременно отведаем свинины с грибами!

Трактирщик огорчённо бормотал, что вчера, мол, выпал снег и грибы, что кипят в котле, последние в этом году, а вепрытина, напротив, – первая, но Асартан не слушал причитаний торговца. Отдохнувшие кони легко вынесли путников на заснеженную дорогу, по которой не было протроплено ещё ни единого следа. Добрая примета, значит, никто не предупредит Книжника, что к нему едут незваные гости.

Снег на дороге лежал в полкопыта, ничуть не замедляя галопа. Колпин, не отставая, держался за спиной и сопел от усердия. Всё складывалось удачно.

Погода начала портиться незадолго до полудня. Солнце затянуло дымкой, снежная пудра, возникая из недвижимого воздуха, закружила перед лицами. И лишь затем с близкого хребта потянуло ледяным дуновением.

Асартан запахнул на горле подбитый ветром плащ и принялся понукать коня. Колпин тоже прищипорил скакуна, едва не вырвавшись вперёд. Слуга был укутан в валяную шерстяную бурку, и уже первые предвестники грядущего бурана просквозили его, напомнив, что от стужи с вершин тёплая одежда не защитит. Асартан покуда чувствовал себя уютно, плащик, подбитый тёплым южным ветром, противостоял ледяному дыханию гор. Но когда стихия ударит...

Нужно было торопиться, и путники подгоняли коней, привставая на стременах перед каждым поворотом, выглядывая обещанные Берложки. Обещание сбылось, когда на его исполнение уже не оставалось времени. Берложки оказались малым хуторком: три или четыре приземистых дома и десяток придворных построек на отшибе. Сквозь низкие, в одно бревно, окошки сочился свет, надвигающаяся метель сгустила в домах раннюю тьму.

Всадники спрыгнули с лошадей, и, словно дождавшись этого мига, ветер, осторожно закручивающий смерчки вдоль обочин, ударил с ураганной силой, разом смяв тёплую подкладку зачарованного плаща и насквозь просвистев плотную одежду слуги. Окружающее немедленно скрылось из глаз, завешенное стеной несущегося снега. Ураган вздымал снег с земли, сметал с горных склонов, обрушивал из туч, явившихся над перевалом. Ежели такое и впрямь продлится три дня, то, когда станет погода, придётся Берложкам выкапываться из-под снега словно медведю, не вовремя потревоженному охотниками.

По счастью, из дома в последних отблесках убитого полудня успели заметить путников. В метельной темени обозначился светлый прямоугольник, всклокоченная фигура в нагольном тулупе подскочила к лошадям, ухватив за узду, потащила за собой, словно прямо в дом хотел завести хуторянин озябших лошадей.

Так и оказалось. Коня, а следом и оглушённые бурей всадники, ступили в дом. Хуторянин навалился на широкую, воротам впору, дверь. Колпин кинулся на помощь, удвоенными усилиями дверь была захлопнута, буран остался снаружи.

Обширное помещение освещалось и слегка согревалось пламенем очага. У дальней стены стояли три коровы, метался в загончике поросёнок и гуртилось с полдюжины овец. Здесь же лежала пара лохматых собак, не иначе крестьяне собрали под крышу всю живность,

которая без этой заботы непременно погибла бы во время снеговерти. Туда же, к навозной стене, хуторянин отвёл и лошадей, привязав их бок о бок со своими коровами. Лишь затем повернулся к гостям:

– Вовремя успели. Что ж вас не предупредили в Селищах, что с полудня трёхдневная метель начинается?

– Нас предупреждали, – ответил Асартан, растирая обожжённые морозом щёки, – только обещали, что к вам-то мы в любом случае доскачем.

– Вот и доскакали, – согласился мужик. – В самую пору к обеду, – он кивнул на очаг, где, распространяя запах грибов и варёной требухи, булькал котёл. Две немолодых женщины хлопотали возле огня, толстые ломти мяса жарились на решётке, жирный чад плавал под потолком. Здоровенная вепрячья голова, неразделанная и плохо опалённая, валялась неподалёку, недвусмысленно подсказывая, чем именно будут потчевать гостей. Если уж решила судьба угостить тебя грибным вепрем, то скачи – не скачи, а от вепрятины с грибами не ускачеешь.

– Грибы-то какие? – спросил Асартан. – Вроде по эту пору грибов уж не бывает.

– У нас – бывают, – странно ответил владелец Берложек. – Проходите в белую избу.

В белой избе, куда вели три крутых ступени, было гораздо теснее и почти так же чадно, как и в чёрной. Вместо открытого очага в доме топилась печь, а на столе трепетала огоньком толстая сальная свеча. Народу в избе скучилось человек восемь. Кто сидел на лавках, а младшие так и вовсе ползали по полу. На столе исходила паром миска, полная отварного гороха, здесь, как и всюду по окрестным селениям, начало зимы отмечали пиршеством, которое будет длиться, покуда на улице бесится трёхдневная метель. А что ещё делать, если буран запер по домам селян и ремесленников, бедных и зажиточных? Только подсчитать припасы и высыпать в котёл последнее лукошко прихваченных морозом осенних опят. Да ещё, если уверен в приходе метельной поры, заранее выкопать заветную бочку урожая двадцать восьмого года.

Вина в Берложках не водилось, но было пиво, изрядный жбан которого стоял рядом со свечой, радуя приехавших пышной шапкой медленно оседающей пены. Из уважения к гостям хозяйка достала глиняные миски и пузатые кумки, чтобы каждый мог есть и пить из собственной посуды. Из чёрной избы внесли котёл и скоблённые доски с мясом. Горох щедро полили жирным варевом и, пожертвовав обычаем, разложили готовое блюдо по мискам.

– Прошу к столу, – пригласил хозяин.

Асартан и Колпин уселись на гостевых местах, поближе к свече и пиву, достали ножи. Оба знали, что мясо каждый будет резать себе сам. Впрочем, касается это только взрослых мужчин, дети и женщины ждут мужского угощения, а нет, так обходятся грибами и требухой. Хотя, судя по башке, что лежала возле очага, сегодня все получают мяса, сколько в утробу вместится.

Хотя гости уже расположились за столом, ни хозяин, ни его домочадцы, ни работники рассаживаться не спешили.

– Прошу к столу, – повторил хозяин. – Вепрь ждёт.

Гора шуб, наваленных на печи, зашевелилась, показалась белая всклокоченная голова, затем с приступки сполз высокий и худой, совершенно седой старик. Одет он был в одно исподнее и в полутьме казался измождённым привидением. Старик сунул ноги в растоптанные валенки, прошаркал к столу и уселся рядом с гостями. Лишь затем зашевелились все остальные, рассаживаясь согласно неписаному, но всем ведомому распорядку.

Старик взялся за ложку и, лишь обнаружив, что вместо общей посуды перед каждым поставлена особая миска, понял, что в доме гости. Приложив ладонь к груди, старец приподнялся на лавке, обозначив поклон.

– В Крепостицы пробираетесь, к Книжнику, – то ли спросил, то ли просто сообщил он. Асартан криво улыбнулся. Что можно сказать, если каждая собака в округе знает о цели твоего путешествия?

Некоторое время ели молча, затем, когда жбан опустел и был вновь долит доверху, беседа возобновилась:

– Небось Галик, трактирщик селищенский, уговаривал у него остаться, – старец перевёл выцветший взгляд на Колпина. Тот продолжал уписывать свинину, отрезая от окорока, водружённого на середину стола, один ломоть за другим.

– Было и такое, – ответил Асартан враз на оба вопроса.

– Правильно, что не послушали его, – старик отёр с жидких усов пивную пену. – Снега у нас нешуточные. Трёхдневная метель дорогу завалит – коням по грудь. Зря намучились бы. А ждать, покуда её другие проложат, – тоже невелика сласть. В Селищах про нас говорят: «Туда три утра тропу тропить». Оно и верно, меньше чем в три дня не уложишься, а то и всю неделю клади. А отсюда, даже по бестропью, за день к Крепостицам протопчешься.

– Большая там крепость? – спросил Асартан, прислушиваясь к вою бури за стеной. Теперь, когда метель разошлась в полную силу, можно было не сомневаться: не просто непогода бушует над горами. Снежную круговерть спустили с цепи магические силы. Рука Книжника, кому же ещё... Одним бы глазом глянуть, чем он занимается сейчас, полагающий себя в безопасности, ограждённый от мира трёхдневной метелью.

– Нет там никакой крепости, – ответил за старика его чернобородый сын. – Прежде была, так её камнепадом побило. Две башни полуразрушенных остались, вот их Книжнику и отдали для волшебных дел. Ещё хутор есть, вроде нашего, Морух с семьёй живёт. Хутор и называется Крепостицами. А солдат там давно нет, кому они нужны, если с Поречьем сто лет войны не было.

– А с чего вы уверены, – осторожно спросил Асартан, – что метель продлится ровно три дня? Может, она к утру затихнет или, напротив, на неделю разгуляется.

Хозяин снисходительно рассмеялся.

– Так она потому и называется трёхдневной, что послепослезавтра к утру затихнет. Минутка в минутку. Это всякий знает.

– На равнине о таком не слыхивали, – улыбнувшись, произнёс Асартан и, словно невзначай, добавил: – Нет ли тут какого чародейства?

– Как же без чародейства в таком-то деле? – с готовностью подхватил хозяин. – Сама по себе трёхдневная метель не сладится.

– Книжник? – подсказал Асартан.

– Можно сказать, что Книжник, – рассудительно покивал крестьянин, – хотя если по правде, то не он один. Все, кто в вдовстве маракует, к этому делу руку приложили. Марух помогал и мой дед тоже два дня кряду ворожил. Ишь как притомился, к столу не добудиться.

– Притомился... – эхом откликнулся старец, облизал ложку и потянулся за новой миской каши. Жареная кабанятина не поддавалась обеззубевшим дёснам, и дед довольствовался печёнкой и кусочками лёгкого, покрошенными в котёл.

– Зачем? – с искренним недоумением спросил Асартан.

– А как же без этого? Прежде, деды рассказывали, осень как попало начиналась. То морозы среди августа по огородам пройдут, то метель охотников в горах прихватит, то ещё какая беда. А нынче вместо беды – праздник. До октября – тёплая осень, потом день на охоту, а там и метель. Когда о непогоде заранее знаешь, так и буран в радость. Сейчас, поди, в каждом доме свинину едят, разве что очень охотникам не потрафило. Но тут уж сам виноват, не колдун. Так что Книжником вся округа очень даже довольна...

Крестьянин говорил что-то ещё, но Асартан не слушал. Он молча пил пиво и лихорадочно пытался составить новый план. Подобраться к сопернику втихаря не удалось, это ясно

как дважды два. Раз слабоумный дед ходит у Книжника в подручных, то можно считать, что и сам чародей сидит с ними за столом и слушает разговоры. И хотя уши у старика глухие, но Книжник всё слышит преотлично. Асартану порой тоже приходилось пользоваться такими приёмчиками.

Ладно, не удалось напасть – начнём переговоры.

– А что, – проговорил Асартан, – Книжник так просто зовётся или у него и впрямь книга имеется?

– Имеется, и не одна, – ответил хуторянин.

– Просто книги и у меня есть, – Асартан покривил губы, досадуя на мужицкую глупость. – Я о волшебной книге говорю, в какой тайная магия запечатлена. Если он настоящий книжник, то у него колдовская книга должна быть.

– Так и я о том же! – Мужик наклонился к пришлому магу и принялся втолковывать, словно малому ребёнку: – Колдовские у него книги, самые что ни на есть волшебные. Я их сам видал, только читать не получалось. Вообще-то я грамотный, а тут и открыть книги не сумел. Можно, говорю, посмотреть? – а он смеётся: посмотри, посмотри!.. Книгу дал, а мне её не открыть, будто там страниц и в заводе нету! Так-то вот!

Асартан покачал головой, демонстрируя сомнение. Ему не нравилось, что с ним играют в поддавки, за лёгкостью, с которой мужик сообщал тайные сведения, чудилась ловушка, волчья яма, вырытая посреди тропы. Провокация казалась слишком дешёвой, и Асартан рассудил, что не стоит притворяться, будто поддался на такую наивную уловку. Притворство может только усилить недоверие.

– Фокусы это, – проворчал он не столько для собеседника, сколько для невидимого слушателя, что скрывался за бесцветным взглядом старика. – Жонглёрство. Ни один чародей, если у него настоящая книга есть, из рук такое сокровище не выпустит. Ведь это значит – свою мощь другому отдать. Потому и книг на свете так мало. Волшебную книгу написать – своей силой поделиться. В прежние времена, говорят, были маги, которые писали книги, но теперь они все повывелись. Теперь чаще по-другому бывает: раздобудет какой-нибудь чудодей древнюю книгу, выучит наизусть, а саму книгу изничтожит, чтобы никто, кроме него, старых заклинаний не ведал. Потому и книг в мире почти не осталось. Ты уж, наверное, догадался, что я тоже волшебник, но я тебе честно скажу, что ни единой волшебной книги я на своём веку не видал. А ты говоришь, будто в руках её держал! Голову тебе Книжник дурил, посмеяться ему захотелось, вот и всё.

– Может, это у вас на равнине так, – набычился хуторянин, – а у нас тут Книжник живёт. Он эти книги пишет и раздаёт всякому, кто книгу раскрыть сумеет. Одну даже пореченскому знахарю подарил, хотя мы с пореченскими не дружимся. Войны у нас сто лет не было, а дружбы – так всю тысячу. Но Книжник и пореченским книги не пожалел. А уж у своих книги, почитай, у каждого есть. Да хоть бы деда нашего взять...

– Язык прикусил бы... – неожиданно ясно произнёс старик, только что клевавший носом над пивной кружкой. – Выпорю!

– А что я такого сказал? – вскинулся хуторянин. – Подумаешь, тайна! Всё равно все знают, что у тебя книга есть. И у него, ежели он впрямь колдованию обучен, тоже будет. Книжник как раз в эту пору работу заканчивает. Думаешь, почему эти двое сквозь метель тащились? Книжник сочинять кончит и только начнёт думать, кому бы книгу подарить, а эти уже тут как тут. Вот им и достанется.

– Интересно, – промолвил Асартан, – в этом краю что-нибудь тайно можно сделать, или о всяком хотении всякая собака заранее знает?

– Втайне только муж от жены гуляет, – подтвердил хуторянин, – так и о том соседи судачат. А старики наши волхвов из себя корчат, о тайнах шушукуются... Ладно, дед, хватит выкобениваться, покажи гостю книгу. Небось не отнимет её у тебя и не изничтожит, как

тут рассказывал. У Книжника для него уже приготовлена книжица, ещё и потолще твоей. Видишь же, человек добрый. Злой бы давно хутор вверх дном поставил, а книгу сыскал бы. И не тебе, старому, ему противостоять.

Старик недовольно пожевал беззубым, провалившимся ртом, потом молча кивнул. Мальчуган, сидевший на полу позади лавок, радостно подхватился и кинулся на печь. Через полминуты он явился оттуда со свёртком. Хуторянин рукавом протёр стол, заляпанный пивом и жирной подливкой, водрузил свёрток на стол и осторожно развернул льняное полотно.

Асартан увидел книгу. Это и впрямь была новая книга, телячья кожа переплёта казалась совсем свежей, а руны на корешке, выполненные простыми чернилами, не выцвели и не затёрлись. Одна строчка причудливой рунной вязи: «Книга мага».

– Во! – с гордостью произнёс хуторянин. – Ну-ка, пусть вот он попробует её открыть...

Колпин поднял на Асартана взгляд и, встретив разрешающий кивок, придвинул книгу. Несколько секунд пальцы бывшего грабителя скользили по тонко выделанной коже, словно под рукой был не книжный переплёт, а бегучая ртуть. Лицо телохранителя оставалось бесстрастным. Колпин протянул руку за ножом, вероятно собираясь поддеть непокорную обложку стальным лезвием.

– Не надо, – спокойно скомандовал Асартан, и рука замерла на полпути. – Мне посмотреть можно?

Ох, как страшно было задавать этот невиннейший для непосвящённого вопрос! Можно ли посмотреть чужую книгу заклинаний? Ведь ясно же, что никакая это не книга, а ловушка, расставленная на жадных гостей. Скромный том, запечатанный простеньким заклинанием, но если открыть его... только мастер, сварганивший адскую машину, знает, чем он её начинил...

Хуторянин довольно ржал, наблюдая за попытками Колпина. Седоволосый знахарь сидел выпрямившись на лавке и ревниво надзирал за своим сокровищем. С тех пор как книга явилась на свет, старец не произнёс ни слова.

– Смотри, ежели сумеешь, – ответил за отца хуторянин.

Изготовившись к самому худшему, Асартан коснулся переплёта. Книга и впрямь была запечатана слабеньким заговором. Его даже не пришлось снимать, заклинание почувствовало силу в руках прикоснувшегося и уступило дорогу. Пока что в этом не было ничего опасного – обычная предосторожность, чтобы в книгу не лазали дураки. По рассказам, волшебная застёжка имелась на любой книге, толкующей о тайнах колдовства. Здесь застёжка была самая простенькая, она поддалась бы любому, хоть немного владеющему магией. Асартан, если бы захотел, мог бы запечатать книгу так, что не всякий признанный маг ухитрился бы справиться с застёжкой. Иное дело, что скрывается под простенькой печатью.

Не дракон же там!

Асартан осторожно раскрыл том. Ничего не случилось. Во всяком случае, не случилось ничего пугающего. Самое удивительное, что это действительно была книга заклинаний! Пергаментные страницы оказались густо покрыты строками, над каждым заклинанием красовались заголовок и картинка, выполненная теми же чернилами. «Чтобы червец капусту не гноил, – прочёл Асартан. – От стылой росы огурцы уберечь». Магия какая-то огородная... Асартан перелистнул несколько страниц: «Из буйной головы дурной хмель выгнать», «Для мира в доме от драчливого мужа», «Для мира в доме от собачливой жены»... Ясно, заклинания тут по разрядам собраны. «От гнева властительного», «Чтобы мытарь меру знал»... Где же настоящее высокое искусство? Трансформации, боевые заклинания, вызов inferнальных существ? «Сглаз снять», «От змеиногo укушения»... – наивная деревенская волшба, и ни следа тех сил, что легенды связывают с чудесными книгами. Вернее, след был, но только след. Всё-таки это волшебная книга, а не просто сборник заговоров. Каждое слово, всякая

буковка веско подкреплена искусством писавшего. Одно дело заговорить сено от огня, прочитав наговор по памяти, совсем иное – держа в руках раскрытую книгу. Во втором случае заговорённую скирду и нарочно не подожжёшь. Драгоценнейшая вещь для знахаря, коновала, бабки-шептуньи. А для него – не более чем любопытный артефакт, диковинка, которую лестно иметь в коллекции среди прочих диковин, но пользы от которой настоящему магу нет. Даже трёхдневную метель с такой книгой не вызовешь, можно лишь на подхвате у настоящего хозяина стараться.

«Чтобы в чужой деревне на ночлег пустили», – забавно, этот приёмчик, пожалуй, и запомнить стоит; Асартан ещё раз перечитал наивное заклинание, закрыл книгу и, задавив жгучее желание сунуть её в седельную сумку, придвинул владельца.

– Хорошая книга, очень хорошая. Я и не думал, что такие на свете бывают.

– Книжник написал, – произнёс старец, упелёнывая том в чистое полотно.

Асартан перевёл дух. Вот и закончилось первое столкновение, осторожная разведка, когда делаешь вид, будто не замечаешь противника. Во всяком случае, кое-что узнать о Книжнике удалось. К сожалению, лишь то, что сам Книжник пожелал сообщить о себе. А что Книжник сумел вызнать об Асартане? – скорей всего тоже ничего существенного. Теперь остаётся сидеть и ждать три дня. Вряд ли Книжник сумеет продлить метель на больший срок, это значило бы ослаблять себя. А пока будем отдыхать...

– Отличная свинина, – проговорил Асартан, отсекая кусок грудинки. – Я много путешествовал, но в других краях такого пробовать не доводилось.

– И не доведётся! – гордо воскликнул хуторянин. – Как готовить грибного вепря – наш секрет.

Асартан не удержался и фыркнул, чуть не облившись пивом. Подумать только, книгу заклинаний, пусть простенькую, но настоящую волшебную книгу, он готов показывать первому встречному, зато тайну жареной вепрятины не откроет и под пытками!

– Тут главное, пока кабан жарится, вовремя поливать его грибным отваром. И, конечно, чеснока не жалеть. Угадал?

– Ну, – огорчился мужик, – конечно, для тебя никакой тайны не бывает... Против колдовства не устоишь.

– Никакого колдовства! – заверил Асартан. – Просто пока ты с нашими конями возился, я видел, чем твоя хозяйка занимается. Так что налей-ка, дружок, ещё пива, а то корчага пуста.

* * *

Трёхдневная метель, как и обещано, прекратилась на третий день. Незадолго до полудня глухое завывание стихло, хотя за слюдяными окнами ничуть не просветлело.

– Снегом засыпало, – пояснил хозяин. – Сейчас откапываться начнём.

Двери из чёрной избы предусмотрительно открывались внутрь. Будь иначе, наметённый сугроб завалил бы её так, что пришлось бы выбираться через крышу. Впрочем, лаз на чердаке недвусмысленно указывал, что порой именно этим путём люди выползали на свет.

Гора рыхлого, неулежалого снега ввалилась в чёрную избу, едва работники стронули створки ворот. Следом брызнул ослепительный солнечный луч и хлынул свежий воздух, холодный и непредставимо вкусный после спёртого зловония избы. И то подумать, каково трое суток безвылазно сидеть в закупоренном доме, где, кроме тебя, заперт десяток человек, объевшихся гороховой кашей.

Взялись за лопаты и в полчаса расчистили широкий проход, по которому можно было вывести лошадей. Хозяин уговаривал прежде пообедать и лишь потом отправляться в путь, но Асартан, которому было страшно хоть на минуту вернуться в провонявшую избу, отказался намертво и приказал выючить лошадей. О том, чтобы ехать верхом, речи не шло, за

три дня снегу и впрямь навалило по грудь лошадям, остаток пути предстояло прорываться сквозь сплошные заносы.

Колпин, не дожидаясь приказаний, первым врубился в снежную целину. В низинке возле самого хутора снег достигал ему чуть не до плеча, но когда выбрались на тропу, где вчерашний ветер гулял особенно сильно, не позволяя улечься рыхлому снегу, идти стало чуть легче. Асартан, с двумя конями в поводу, шёл следом, размышляя, что в заснеженной пустыне они как на ладони у всякого, кто заранее притаится на любой из окрестных высот, чтобы встретить ползущих сквозь заносы неожиданным ударом. Это ж надо так опростоволоситься! Более бездарного похода у него не было.

К Крепостицам вышли через четыре часа отчаянной борьбы. Обещанного хуторка Асартан не заметил, возможно, его занесло по самые крыши, а вот башенки, прилепившиеся к горному склону, видны были издалека. И уж, конечно, из башен тоже открывался широчайший обзор. Вероятно, Книжник мог не меньше двух часов любоваться медленно бредущими гостями. Не стоило и надеяться на внезапность.

Асартан придирчиво разглядывал башни. Тоже головоломка, в которой из двух засел противник? Следов нет нигде, одинаковые двери одинаково занесены снегом.

С ходу применять магию не хотелось, и, решив, что случай не любит долгих размышлений, Асартан направился к ближайшей из башенок.

«Надо было лопату в Берложках прихватить!..» – весело подумал он, отгребая снег подошвой. Потом несколько раз ударил в дверь рукояткой кинжала. Грохот разносился по башне. Ответом была тишина.

Асартан пожал плечами и двинулся ко второму укреплению. Здесь история повторилась. Никаких следов, запертая дверь, и на стук никто не отзывается. Асартан напрягся, пытаясь сквозь дверь разглядеть затаившегося Книжника. Дверь стояла глухая и непроницаемая, она явно была заговорена. Ай, как неосторожно! Если уж заговариваешь дверь, то не нужно запирать её на обычный засов... Только глупец думает, что чем больше запоров, тем надёжнее защита.

Изготовившись, Асартан принялся читать заклинание. Ничего подобного не было в простодушной книге, которую показывали ему в Берложках. То была магия изысканная, парадоксальная, хотя и не требующая особой силы. Силу уже вложил неосмотрительный Книжник, так что взломщику оставалось лишь поссорить запирающие заклетья со стальным замком.

В нужную минуту Асартан отскочил в сторону и прижался к стене. С громким треском дубовые створки разлетелись. Колпин, которого Асартан не счёл нужным предупредить, не успел отшатнуться, острая щепка рассекла ему щёку. Впрочем, бывший бандит привык не обращать внимания на такие мелочи. Вслед за хозяином он нырнул в открывшийся проём.

Двухэтажная башенка была пуста. В нижних, сохранившихся помещениях, видимо, жил Книжник. Четыре комнаты были обставлены с деревенской простотой, и ничто не указывало на занятия жильца. Лавки, широкие, на каких в деревнях принято не только сидеть, но и спать. Печь, явно сложенная в позднейшее время, когда здесь уже не было солдат. Пара сундуков, совершенно пустых, пахнувших персидской ромашкой. Печка была ещё тёплой, очевидно, её топили сегодня утром, незадолго до того, как окончился трёхдневный буран. Спуск в подвал был замурован, а возможно, и всё подземелье заложено камнем, чтобы укрепить треснувший фундамент.

Помещения второго этажа были пусты и отпугивали взгляд пятнами инея на голом камне. Здесь не было ничего интересного, лишь возле одного окна, задвинутого дощатым щитом, стояла на треноге подзорная труба и медный секстант.

Каким образом Книжник покинул дом, заперев его изнутри и не потревожив снежного одеяла, Асартана не слишком тревожило. Возможно, между башнями есть подземный ход,

а быть может, жильца просто не было дома и печь топилась сама по себе. Дело в общем-то нехитрое.

Асартан поспешил вернуться к первой башне.

На этот раз Колпин заранее отошёл в сторонку, и дверь разлетелась, никому не повредив. Здесь тоже были четыре жилые комнаты и пустые помещения наверху. Подвал, правда, уцелел и был набит причудливым инструментарием алхимика. Ничего интересного для себя Асартан не обнаружил. Хозяина нигде не было, была лишь тёплая, недавно протопленная печь.

– Что скажешь? – спросил Асартан у помощника.

– Сбежал, – кратко ответил Колпин.

– Некуда ему здесь бежать, – усомнился Асартан. – Я же чувствую, он где-то рядом прячется...

Колпин пожал плечами и не ответил.

– Вот если бы ты, – не унимался Асартан, – вздумал себе тайник делать, где бы устроился?

– В подвале. Наверно, он только для виду замурован.

– Хорошо рассуждаешь. Думаю, Книжник заранее знал, что ты так рассуждать станешь. И замуровал подвал наглухо. Почти наглухо. Маленький чуланчик там оставлен, на тот случай, если противник сквозь камень глядеть может. И пока ты будешь в эту пустоту прорубаться, Книжник тебя в спину ударит. Потому что он у нас умный и в подвале его нет.

Колпин молчал.

– Чего ж ты не спрашиваешь, где он?

– Где он? – эхом откликнулся слуга.

– На втором этаже сидит.

– Я там всё осмотрел. И вы тоже смотрели.

– Смотреть ты смотрел, да не видел. Ну-ка, скажи, сколько бойниц у этой башни по второму этажу?

– Четыре, – немедленно откликнулся слуга. – У таких башен всегда по четыре бойницы.

– А изнутри ты окна сосчитал? Сколько их?

Колпин мучительно нахмурил лоб, пытаясь вспомнить.

– Там перегородки обрушены, так одни и те же амбразуры из разных камер видны. Так сразу не разобраться...

– Ну, не мучайся. Пять окон, пять. Я считал. И дымохода тёплого наверху не видать, он через потайную каморку проходит, чтобы не замёрзнуть часом. Так-то. Чего стал? Пошли, навестим Книжника, поспрашаем кой о чём. Раз он от нас прячется, значит, у него совесть нечиста.

Господин и слуга вновь поднялись на второй этаж полуразваленной башни. Казалось бы, здесь со времён давних войн с Поречьем ничего не менялось. Голые каменные стены, пол засыпан истлевшей соломой, перегородки между четырьмя камерами частично обвалились во время давнего землетрясения, и с тех пор никто не озаботился восстановить их.

На этот раз Колпин специально обошёл все окна, когда-то служившие бойницами, пересчитал их и в каждое заглянул, насколько позволяло узкое отверстие. Видно из окошек было плоховато, частые переплёты с пластинками потемневшей слюды плохо пропускали свет. Только эти рамы и свидетельствовали, что, устраиваясь на жильё, Книжник что-то ухитрялся и здесь.

Бойниц оказалось пять, все они выглядели настоящими. Из каждого открывался свой вид на окрестности, и было совершенно невозможно понять, какое из окон фальшивое.

Покуда Колпин метался от одной бойницы к другой, Асартан стоял, посмеиваясь и пошучивая. Нужно было очень близко знать путешествующего мага, чтобы увидеть за ехид-

ными комментариями, которые сопровождали мучения Колпина, лихорадочную подготовку к магическому поединку. Но вот Асартан вздел руку и громко и отчётливо произнёс заклинание, одно из тех, что маги создают сами и хранят в секрете ото всех. И если подобное колдовство совершается в присутствии соперника, то можно смело утверждать, поединок пойдёт на смерть, чтобы тайное знание не поползло по миру, становясь общим достоянием.

Полуразрушенные перегородки, помнившие ещё набег пореченских ватаг, послушно передвинулись, и оказалось, что они не разделяют этаж на четыре камеры, где возле бойниц ещё сохранились остатки насыпей для стрелков, а отгораживают небольшую комнатку ровно посреди помещения. Здесь было тепло, в чугунной печурке дотлевали угли. Комнатка освещалась причудливой масляной лампой. Когда от раскрывшихся стен пахнуло холодом, лампа вспыхнула особенно ярко, осветив помещение словно театральную сцену. Только на театре бывают комнаты, вывернутые на всеобщее обозрение, с распахнутыми настежь стенами.

Посреди сломанной комнаты за столом сидел человек. Он не поднялся навстречу Асартану и вообще не двинулся с места, но всякий, кто хоть раз видел встречу магов, мог поклясться, что поединок начался, хотя никто ещё не направил свою силу на другого.

– Здравствуй, Книжник, – почти ласково произнёс Асартан. – Ты не слишком приветливо встречаешь гостей.

– Если гость ломает входную дверь, он называется другим словом.

– Я стучался. Клянусь мирозданием, я очень громко стучал.

– Я был занят. Мне нужно закончить книгу, и я её закончил, покуда вы громили дальнюю башню.

– Похвально, Книжник, похвально... Именно за книгой мы и пришли.

– Вот она, – сидящий кивнул на толстый том.

– Ты ослабел, Книжник. Опрометчиво было тратить столько сил на инициацию книги, когда противник находится так близко. Я понимаю, ты надеялся отсидеться в потайной камере. Она неплохо сделана, даже если бы мы подожгли башню, ты чувствовал бы себя спокойно. И всё же я сыскал тебя.

– Это было неожиданно, – согласился сидящий.

– Отдай мне книгу.

– Бери.

– Ты думаешь, я поддамся на такую дешёвую уловку? Открой книгу сам и передвинь её на дальний край стола. И не вздумай прочесть оттуда хоть слово. Я убью тебя, даже если ты попытаешься прочесть заклинание против клопов и тараканов.

– Вот книга. Бери.

Асартан осторожно приблизился к открытой книге, глянул на страницу: «Клопов и тараканов вывести, чтобы и в послебудущие времена их не было».

Маг рывком поднял книгу, поспешно перелистал. Такой том он уже видел два дня тому назад в засыпанных снегом Берложках.

– Ты что, посмеяться надо мной вздумал? Мне нужна настоящая книга. Пойми, ты всё равно уже мёртв, так пусть о тебе останется хотя бы память. Мне неважно, кто написал эту книгу, но если ты отдашь её добровольно, она будет носить твоё имя. Не хочешь?... Думаешь, я не смогу с тобой справиться? Я вижу все твои уловки и знаю, как их обойти. – Асартан угрожающе поднял руку. – Не заставляй меня действовать! Я успею раньше, я уже готов к битве, а тебе надо собираться с силами. Ну?..

Потом Асартан не мог избавиться от впечатления, что противник собирался что-то сказать или сделать, кажется, даже начал какое-то движение, но именно в эту секунду у него за спиной возник Колпин. Простой, никак не зачарованный бандитский нож ударил сидящего под лопатку.

Полыхнуло пламя, оба – убийца и жертва, изогнулись, скрученные невыносимой судорогой, и упали рядом.

– Вот и всё... – резюмировал Асартан. – Ты проиграл, Книжник. Ты думал, магическое отражение спасёт тебя? Думал, я не осмелюсь тронуть того, кто так страшно защищён? Но ты забыл, что бывает живое оружие, которым можно пожертвовать. Обменять твою жизнь на жизнь слуги. Я доволен обменом. Жаль, что ты не попытался напасть. Магическое отражение не позволяет применять боевую магию, но ведь кое-что у тебя оставалось... Но ты предпочёл прятаться и закрываться подобно черепахе. А из черепашек, друг мой, получается вкусный суп. Ну так где твоя настоящая книга?

Асартан оттащил в сторону трупы и принялся за поиски. Он вскрыл железную укладку, в которой оказались чистые листы пергамента, чернила из дубовых орешков и пучок заточенных перьев. Перевернул стол, простучал переборки, применив самые изощрённые заклятья, осмотрел магическим взором обе башни и близлежащую землю. Под конец искал уже не древнюю книгу, а хоть что-нибудь, хранящее следы чужой магии, любую наговорённую вещь, с которой можно было бы начинать поиски. Сколько раз бывало так: крошечный отпечаток волшебства на придорожном камне, чтобы сиделось мягче, приводил его к хитроумному тайнику, в котором были припрятаны сокровища сгинувшего мага. Случалось, он приходил на место давно отгремевшего магического поединка и находил такое, что и не снилось растопе-победителю. Но тут не было ничего. Запирающие заклятья с дверей он снял собственной рукой, потайную комнату разгадал и открыл, остывающее тело Книжника, как то всегда бывает после сброса отражения, не содержало в себе никакой силы. Трёхдневная метель отбушевала и сгинула. Мастер, прославленный на всю округу мелкими волшебствами, не оставил после себя даже самого мелкого волшебства. И только книга, лежащая на столе, подтверждала его умение.

Написать волшебную книгу – такое дано немногим. Всякий, сумевший книгу открыть, может сделать с неё список, но это будет не волшебная книга, а сборник прищепываний и выкриков. Чтобы книга ожила, в неё нужно вложить часть собственной живой силы. А потом долгие недели восстанавливаться, беспомощный, словно линялая чомга. Потому и нет нигде волшебных книг, лишь легенды ходят о них среди магов.

Да ещё покойный Книжник вздумал облагодетельствовать деревенских колдунов, за что и поплатился. Не помогло ни хитроумное убежище, ни заранее наложенное защитное заклинание. Вот только и у Книжника достало разума не записывать истинные секреты. Обманула молва...

Асартан вышел из башни, вскочил на коня. Скоро вечер, а хотелось бы остановиться на ночёвку в Селищах. Вонючим радушием Берложек он сыт по горло. Да и не будет там гостеприимства, слабосильный старец, конечно, уже знает о гибели благодетеля и заранее дрожит за свою шкуру.

По старому следу Асартан легко добрался к хутору. Далее снег лежал нетронутым пушистым ковром. Когда-то ещё станет санный путь, а пока дороги тут нет. Как было сказано местными остроловами: три утра тропу тропить.

Асартан повелительно вскинул руку. Струя слепящего драконьего пламени ударила из ладони, мгновенно смела и испарила снег, открыв до самого поворота чисто выжженную дорогу. Чародей оглянулся на заваленные снегом Берложки, желая узнать, видят ли обитатели чадной избы страшное явление мага. Расчищенные слюдяные окошки оставались тёмными, но Асартан ясно почувствовал: смотрят, прильнув к окнам, и молчат.

Мгновение Асартан боролся с желанием вернуться в Берложки, забрать у слабоумного знахаря книгу. Что ни говори, а диковина редкая. Правда, одна такая книга уже упакована в седельную сумку, но и второй дело найдётся. Её можно обменять у братьев по ремеслу на что-то действительно полезное... А впрочем, пусть её... Отнимая книгу, пришлось бы

убить дряхлого старика, а это было бы недостойное завершение битвы с Книжником. Пусть сидит у окна, смотрит с ужасом на торжествующего врага и даже бессильное старческое проклятие не смеет послать вдогонку.

* * *

Из дома действительно глядели вслед удаляющемуся всаднику.

Старик ворожей, так и не накинувший ничего поверх исподнего белья, перевёл взгляд на гостей:

– Зачем ты отпускаешь его?

– В самом деле, – подхватил коренастый, похожий на гнома Марух, – этот негодяй разорил башни, убил переписчика...

– Он оставил нового переписчика, – ответил тот, к кому обращались старики. – Правда, этот разбойник, Колпин, неграмотный, но его можно обучить. А пока пусть приходит в чувство и чинит, что испортил его патрон.

– И всё-таки пришельца не нужно было отпускать живым.

– Почему? Ведь это один из лучших. Он не вернулся отнимать твою книгу, он не любит зря убивать и поэтому сегодня останется жив.

– Он разломал двери, – сердито сказал Марух. – Совсем новые, им бы ещё стоять и стоять!

– Это верно. Но жизнь гостя стоит больше пары сломанных дверей. К тому же в обмен на книгу он открыл свои тайны. Последние фокусы с огнём – сушая ерунда, а вот заклинания поиска, которые он применял, когда искал потайную комнату и несуществующий клад, очень любопытны. Такого я прежде не слыхивал.

– Ты запишешь их в свою главную книгу?

Книжник покачал головой.

– У меня нет книги. Я мог бы её написать, но мне страшно, что после моей смерти она попадёт в недобрые руки.

– Но если ты её не напишешь, все тайны умрут вместе с тобой.

– Боюсь, так и случится, – Книжник пристально поглядел на стариков. – Жаль, конечно, но вы сами видели, что получается, когда могучие силы оказываются в слабых руках. Я не напишу книгу из страха, другие из жадности, третьи ещё по какой-то причине. Нужно быть очень тщеславным и очень безответственным человеком, чтобы приняться за магическую книгу. А вы думаете, почему с каждым поколением магия всё больше хиреет? Потому, что никто не пишет книг.

Страж перевала

Шаги звенели по плитам пола. Они звучали так реально, что каждый знал – идёт Лонг. И всё же сторожевые драконы у входа в зал удушливо рывкнули: «Вассал Лонг идёт к Владыке Мира!» – и бериллиевые андроиды следующего зала продребезжали, вращая синим объективом телеглаза: «Вассал Лонг идёт к Владыке Мира!» – клич катился не затихая, пока от самого трона эхом не откликнулись мутные мороки: «Вассал Лонг входит к Владыке Мира!..»

Лонг вошёл и остановился. Владыка восседал на троне, сработанном из чёрного шершавого камня и бледной пустоты. В руках Владыка сжимал жезлы власти: огненный и золотой. Мороки и василиски рядами окружали трон. Лонг, не сгибаясь, прошёл на середину зала и лишь там резко наклонил голову, так что окончечность глухого забрала звонко клацнула о выпуклый нагрудник.

– Всемогущий! – произнёс Лонг. – Я пришёл на твой зов.

Ничто в лице Владыки не изменилось, даже губы не дрогнули, когда прозвучал его голос:

– Сегодня я позвал тебя не для беседы. Я задумал новый большой поход, мне нужна твоя служба.

– Чем может помочь живущий на краю Мира?

Впервые лицо Владыки оживилось, блеснули глаза. Он ответил:

– Я решил подняться на Перевал, взять то, что находится за ним, и присовокупить к моим владениям.

Лонг растерялся. Он не знал, что делать и как отвечать. Лишь тысячелетняя привычка позволила ему сохранить полную неподвижность. Потом пришли слова:

– Всемогущий! – сказал Лонг. – Перевал невозможно пройти. На границах твоя власть кончается, ты сам это знаешь.

– Ложь! – крикнул Владыка. Лицо его внезапно ожило.

Лонг в ответ поднял забрало и сказал обычным голосом, уже не беспокоясь об этикете:

– Это правда. Я интересен, в моём доме бывают гости со всех краёв, и я знаю, что жители границ не боятся тебя. На юге, где обитают кошмары и призрачные миражи, никто и в грош не ставит твою великую власть.

– Ты хочешь обратить мою ярость на юг, где она безвредно рассеется в мёртвом свете, не так ли, прямодушный рыцарь? – усмехнувшись, спросил Владыка. – Я усмирил непокорных духов страшными заклетами, Отшельник склонился передо мной, на юге больше нет границы. Теперь очередь за севером. Там действительно дикая страна. Знаю, что заклинания потеряют силу, а колесницы остановятся, ибо по ту сторону гор мёртвые машины, чтобы двигаться, должны пожирать пищу и пить воду. Мечи из струящегося тумана не смогут даже оцарапать грубую плоть северных варваров. Для них нужны сталь и камень. Но ведь это очень простые вещи, Лонг, они есть в моём мире, так что найти оружие будет нетрудно.

– Да, в этом мире есть сталь! – Лонг обнажил меч. Меч был обоюдоострый, одна грань жемчужно переливалась туманом, по другой бежал причудливый рисунок булата. Лонг сорвал с руки блестящую перчатку и дважды провёл лезвием по пальцам. С ногтей капала кровь. Во всём мире у одного Лонга была настоящая горячая кровь, и при виде красных капель безмолвные и неподвижные телохранители Владыки пришли в движение: одни отшатнулись, другие прыгнули навстречу.

– Я – страж Перевала, – раздельно произнёс Лонг, – клянусь этой кровью, что никто и никогда не проникнет из внешнего мира сюда и никто не выйдет отсюда во внешний мир. Никто и никогда!

– Клянусь кровью, которой у меня нет, – возгласил Владыка, – что через три дня я пройду Перевал, а если мой раб вздумает мешать мне, я уничтожу его!

– Я не раб, – сказал Лонг. – Даже этому миру я принадлежу лишь отчасти, а на Перевале слушаю только себя и свой долг.

– Да, – сказал Владыка, – ты мало похож на подданного, в тебе больше той силы, что живёт за горами, поэтому ты так горд. Но и твою силу можно сломить...

Огненный столб расплескался по залу, ударил в грудь Лонга. Это был не призрачный колдовской огонь, а настоящее плотное и дымное пламя. Тугие керосиновые струи хлестали откуда-то, взбухали изнутри багровым жаром, закручивались смерчем и исходили чёрными клубами копоти. Доспехи Лонга раскалились добела, хромовая насечка стекала крупными каплями. Подняв меч, Лонг шагнул вперёд. Он не видел противника, не знал, куда идти, и старался лишь не упасть, но колени подогнулись, покрытые чёрными пятнами плиты встали перед глазами. Лонг чувствовал, как кипит и испаряется его кровь.

«Конец, – подумал он. – Хорошо, что не видит Констанс...»

Огонь иссяк так же неожиданно, как и явился; сверху пал дождь. Капли воды с визгом ударялись о покоробившиеся от жара латы, ртутными шариками бегали по горячим плитам. Лонг открыл глаза. Над ним склонялось лицо Владыки. Сейчас оно было почти настоящим, в глазах светилась живая алчность, и в голосе слышалась совсем человеческая мольба:

– Я не хочу убивать тебя, Лонг. Ты мне нужен. Ты единственный был там, ты сам почти оттуда. Ты знаешь их недостатки и слабости, ты легко сможешь победить. Я хочу, чтобы ты вёл моё войско, а после победы я возвеличу тебя, Лонг. Ты будешь не хранителем Перевала, а моим наместником в новых землях...

Лонг поднялся, с трудом разламывая скрючившуюся скорлупу доспехов.

– Ты можешь убить меня, – сказал он, – но прежде узнай правду. Ты зовёшься Владыкой Мира, но подлинный мир – там, за Перевалом. Здесь лишь бледная его тень, ненужный бред. Порой здесь встречается настоящее, но лишь потому, что тот мир чрезмерно богат и не может вместить всё. Там действуют свои законы, над которыми нет владык. Ты всемогущ лишь здесь, я прошу тебя забыть о Перевале.

– Вот ты и заговорил по-другому, – удовлетворённо резюмировал Владыка, – теперь осталось лишь заставить тебя сказать иное. Для этого у меня припасен ещё один сюрприз. Значит, по-твоему, непобедимое войско обессилит на границе, а то и просто не сможет одолеть Перевал? Посмотрим!

Огненным жезлом Владыка очертил круг, в центре которого возникла согнутая фигура. Длинные, чуть не до колен руки с тонкими сильными пальцами. Плечи сутулятся так, что стоящий кажется горбатым. Спутанные светлые волосы падают на лоб, почти скрывая взгляд удивлённых глаз. И вечная виноватая улыбка, такая знакомая и неуместная здесь, возле трона Владыки. В круге стоял Труддум.

– Мастер! – приказал Владыка. – Расскажи про свою машину.

– Она называется инвертор, – сказал Труддум и замолчал.

– С её помощью можно пройти границу?

– Да, конечно. Инвертор разрушает реальность, превращает её в возможность или даже разлагает до абсурда.

– Значит, мои воины сохраняют силу, а глупые законы, охраняющие загорные земли, рассыплются на случайности и начнут подчиняться мне?

– Разумеется, если построить достаточно мощный прибор. Но ведь не всё, что можно построить, следует включать...

– Об этом судить мне! – отрезал Владыка и взмахом жезла стёр круг.

Труддум исчез.

Ещё целую секунду Лонг стоял неподвижно, пытаясь осмыслить случившееся. В словах Труддума он не сомневался, мастер никогда и ни в чём не делал ошибок. Значит, границы больше нет, таинственные инверторы, придуманные Труддумом, одолеют горы, и прекрасный реальный мир перестанет существовать, умрёт в хаосе. Единственный, кто стоит на пути войск, это Лонг со своим наполовину реальным мечом. Ему одному придётся оборонять Перевал, одному – без Труддума. Труддум – предатель. Это тоже предстояло осмыслить.

Лонг повернулся и пошёл прочь. Почерневшие доспехи скрежетали при каждом движении, плиты пола гудели похоронным звоном.

– Лонг! – прогремело сзади. – Через три дня войско подойдёт к Перевалу, и либо ты возглавишь его, либо оно пройдёт по тебе!

Лонг не ответил.

– Вассал Лонг покинул тронный зал! – рывкнули сторожевые драконы.

* * *

Дорога петляла, сворачивала, порой вообще исчезала, но всё же медленно и нехотя поднималась в гору. Если обернуться назад, то тоже увидишь, что дорога поднимается в гору, но это обман.

Лонг обернулся. Вздёрнутый южный горизонт терялся в мареве, серая дымка смазывала очертания предметов и без того зыбких. Лишь дворец Владыки, видимый всегда и всюду, возвышался грозно и красиво.

Мир тянулся с севера на юг, от Перевала вниз, через земли всё меньшей вероятности, в край абсурда. На крайнем юге Мир переходил в пустыню, населённую призраками и миражами. За пустыней не было ничего. Даже нереальный Мир там истончался и переставал существовать. Правда, там жил Отшельник. Как и Лонг, он был хранителем границы, но не стражем, потому что там было нечего и не от кого охранять. Как и чем существовал Отшельник, Лонг не знал, хотя самого Отшельника видел не раз. Порой Отшельник объявлялся в замке Лонга, беседовал с хозяином на отвлечённые темы и так же непонятно исчезал. Лонг ни о чём не расспрашивал гостя, уважая в нём силу, равную своей. Поэтому Лонг не слишком поверил словам Владыки. Всемогущий Владыка тоже может ошибиться, приняв уклонение за победу. Юг всегда умел раствориться и ускользнуть.

Здесь было не так. Всё чаще подковы коня цокали по камню, высекая искры. Пейзаж становился отчётливей, хотя не был постоянен. В стороне от дороги с громовым гулом извергался вулкан, а неподалёку шумел большой город, и никто не обращал внимания на огонь и падающие камни. Завтра, возможно, на месте содрогающейся горы будет озеро, а улицы зарастут лесом.

Людей в этом краю не встречалось, хотя ежесекундно возникали образы, бледные и нежизненные. Здесь обитали уроды и ослепительные небывалые красавцы, подлецы, чья подлость самодовлеющая и безрезультатна, и сказочно благородные герои, успевавшие произнести несколько гордых фраз, прежде чем бесследно раствориться. Лишь воля Владыки могла внести подобие порядка в хаос, удержать ту или иную химеру, и тогда залы дворца украшались новым изумительным монстром.

То, что оказывалось более постоянным, жалось на север, ближе к границе Лонга. Здесь жили почти обычные люди, хотя и среди них встречались чудовищные мерзавцы и ходячие примеры для подражания, изуверы и образцы добродетели. Но их жизнь исчислялась не минутами, а годами, каждый имел свою физиономию, и все они казались более человеческими и непростыми. Жителей плоскогорья Лонг объявил под своей защитой, вёл их в бой, когда с юга набегали орды косматых варваров, и в одиночку расправлялся с великанами и чудовищами, порой выбиравшимися на плоскогорье.

Дом был уже недалеко, горы нависали всё ощутимее, дорога курилась жёлтой пылью, от кустов вдоль тракта тянуло сладким ароматом. Мимо Лонга пронеслось стадо золоторогих антилоп; звери мчались, картинно запрокинув головы, роняя с губ дымящуюся пену. Вскоре появился тот, кто вспугнул их. Сверхъестественной величины клоп медленно полз вдоль дороги. Похожий на бревно хоботок конвульсивно дёргался, высасывая всё, что попадало навстречу: людей, животных, деревья. Позади оставалась мёртвая полоса.

Лонг истово ненавидел подобные создания, порождённые всплесками флюктуаций. К тому же клоп двигался на север и случайно мог добраться до предгорья. Лонг выдернул меч и поскакал наперерез опасному гаду. Сосуший хобот рванулся ему навстречу, Лонг уклонился от удара и, подскакав вплотную, вонзил волнистое лезвие в хитиновую броню. Клоп завалился на бок, щетинистые десятиметровые ноги вытянулись и заскребли друг о друга, словно пытаясь счистить налипшие комья грязи. Лонг отёр пот со лба. Лишь теперь он сообщил, какой опасности избежал. Ведь доспехи, делавшие его неуязвимым, остались у порога дворца, почерневшие и искорёженные. А в этих областях удар страшного жала был бы смертелен. Лонг почувствовал, как болит рассечённая мечом рука. Он забыл заживить порез в долине, и теперь рана будет заживать долго.

Рядом послышался звон бубенцов, голоса. Мимо проходил караван. Рыжебородый купец, отделившись от процессии, подъехал к Лонгу.

– О благородный и прекраснодушный незнакомец! – возгласил он. – Ты спас меня от этого ужасного вепря. Я намерен достойно наградить тебя. Моя дочь, красавица Гюльгары, станет твоей женой!..

Лонг повернул коня и выехал на дорогу. Горы были уже близко. По дороге навстречу Лонгу медленно брёл человек. Тощий узелок болтался на длинной дорожной палке.

– Здравствуйте, сеньор! – сказал путник.

– Оле? – удивился Лонг. – Что ты здесь делаешь?

– Отправился в путешествие, – ответил Оле. – Дома стало скучно и опасно. Мне не нравится, когда сразу и скучно и опасно, поэтому я ушёл...

Такое случалось с жителями плоскогорья. То один, то другой из них спускались в долину. Возвращались редко, изменившимися до неузнаваемости. Лонг спокойно относился к уходам и метаморфозам ушедших, но уход Оле произвёл тягостное впечатление. Оле жил у самого замка и был просто земледельцем, таким, что порой встречались и по ту сторону Перевала. Он появлялся в замке, помогая Труддumu в возне с хитроумными механизмами, а вечерами частенько зазывал Лонга и Труддума к себе – отведать горного меда. И вот теперь Труддум бежал к Владыке, и Оле тоже уходит, вернее, уже ушёл, ведь он-то не может безнаказанно спускаться в долину.

– ...а скучно стало давно, с той минуты, как Констанс не поселилась у нас, – говорил Оле.

– Что? – вскрикнул Лонг. – Откуда ты знаешь о ней? Отвечай!

– Вот я и ушёл, – невозмутимо продолжал Оле. – Думаю пойти к Отшельнику. Далеко это, но почему бы и не дойти? Бродяга, говорят, дошёл.

– Глаза прекрасной Гюльгары подобны двум спелым сливам, – монотонно бубнил за спиной успевший потерять свой караван купец.

Лонг перевёл дух. Ну конечно, с той минуты, как Оле спустился вниз, он перестал быть собой. А может быть, это и вовсе не Оле, а просто эхо собственных мыслей Лонга. Ведь доспехи погибли, и значит, мысли Лонга так же обнажены перед Миром, как и его грудь.

Конь широкой рысью поскакал в гору. На пыльной дороге впереди чётко отпечатывались следы ушедшего Оле.

* * *

Замок Лонга, как и полагается замку, стоял на скале. Дорога спиралью поднималась к воротам, перекрытым поднятым мостом. Узкие бойницы башен светились тёплым электрическим светом. Обычно свет по вечерам зажигал Труддум, так что сегодня Лонг ожидал, что дом встретит его тёмной пустотой. Лучи из окон смутили его.

На последнем повороте Лонг остановил коня и оглянулся. Перед ним лежала его страна – край почти настоящий. Влажный, непрзрачный туман скрадывал очертания деревьев, домов и многочисленных ветряных мельниц. Зачем нужны мельницы, Лонг не думал, их никто и никогда не строил, зато во время низовых нашествий горели они десятками. Жителям мельницы тоже не были нужны, в каждом крестьянском доме вращался выстроенный Труддумом мотор, согревал, освещал, молол хлеб. Только колдовские берлоги да мрачные разбойничьи логова освещались сальными плашками или светляками-великанами. Но вся человеческая мразь сидела по своим притонам затаившись, страшась не столько меча Лонга, сколько его имени.

Высоко в небе с негромким ровным гудением прошёл реактивный лайнер. Лонг проводил его взглядом. Кто летит в этом самолёте? Откуда и зачем? Ответа не будет, воздушный путешественник канул в долину. Каждый вечер над замком пролетал самолёт, и Лонг порой пытался представить, какие чувства испытывают эфемерные путешественники, глядя сквозь кварцевые стёкла на замок, мельницы и крытые соломой дома.

Самого Лонга многочисленные средневековые анахронизмы не раздражали, они были частью от века установившегося быта. Но сегодня он почувствовал неприязнь к ненужным мельницам, к смиренному обращению «сеньор», даже к доспехам, спасшим его от гибели. Ведь средневековая мишура не случайна. Там, где есть владыки, там будет процветать и мишура. Так что вассал Лонг зря гордился своей независимостью, он такой же подданный, как и остальные. Но только непокорный подданный.

Лонг поднялся на скалу, протрубил и остановился, ожидая, пока опустится мост. Внизу звенела по камням горная речка. Среди её бурунов бешено вращалось огромное, наподобие мельничного, деревянное колесо. Это было единственное рабочее колесо в стране да и во всём Мире. Замок Лонга стоял так высоко, что машины вечного движения работали здесь неуверенно. Тогда Труддум соорудил колесо, от которого двигались все его хитроумные забавы. Сегодня шум реки показался Лонгу иным. Лонг глянул в пропасть. Колеса не было. Только остатки валов да разбитые шестерни валялись там. Что же, этого следовало ожидать.

Мост опустился, Лонг въехал во двор, спешил. И лишь потом удивился: кто опустил мост? Лонг недоумённо оглянулся. Через двор к нему спешил Труддум.

– Ты здесь? – спросил Лонг.

– А где же мне быть? – Труддум усмехнулся. – Я не могу туда, – он указал рукой на горы, – и не хочу туда, – палец мастера ткнул вниз. – Я всегда здесь.

Лонг облегчённо вздохнул. Как он мог поверить лживому Владыке?

– Внизу я видел про тебя страшный морок, – сказал он.

– А я спокойно жил здесь и хорошо поработал.

– Я это вижу. Что ты сделал с колесом?

– Сломал. Оно больше не нужно, вместо него я поставил другую машину. Идём, покажу.

– Идём, – с готовностью отозвался Лонг.

Жилые помещения замка во втором этаже были вполне благоустроены, отсюда Лонг тщательно изгонял бессмысленную атрибутику Мира, но в нижних парадных залах этикет

брал своё. У стен стояли никем не надевавшиеся, но уже трухлявые доспехи, с потолка свисали изъеденные ржой цепи, от которых в пляшущем свете факелов падали причудливые тени. По ночам здесь бродили привидения – жалкие подобия тех химер, что встречались в долине. А в подвалах замка, где верный вассал Владыки должен был бы хранить сокровища и содержать темницу, начиналась уже настоящая фантазмагория, но фантазмагория, возможная лишь на границе Мира. Здесь была вотчина Труддума. Невероятные машины работали здесь, движимые, кажется, лишь гением своего создателя.

– Вот! – с гордостью сказал Труддум, распахивая дверь в зал.

Некоторое время Лонг молча рассматривал творение друга. Машина была на полном ходу. Тяжёлый корпус из титановой стали мелко дрожал, пучки циркониевых трубок светились жаром, был перегретый пар, пела турбина. Стержни под потолком, выточенные из метровых алмазов, были лишь наполовину опущены.

Перед Лонгом находился пугающий своей незавершённостью, сшитый на живую нитку, существующий лишь из-за несуразностей Мира, но всё же вполне настоящий ядерный реактор.

– Ты знаешь, – негромко сказал Лонг, – это опасная вещь.

– Ничуть, – возразил Труддум. – С ним не справится никакая флюктуация. Он может работать без присмотра хоть сотню лет.

– Не в том дело. В мире слишком много случайного зла, ведь по сути дела всякое зло – случайно. Но не дашь ли ты ему в руки реальную силу? Прежде я полагал, что вся мощь Владыки заключена в химерах, но сегодня увидел у него настоящий огонь. Это едва не стоило мне жизни. А что будет, если Владыка сумеет захватить это?

– Так можно сказать о любой машине. И любую из них обратить во зло. Не бойся, реактор останется в подвале, Владыка не узнает о нём. Хотя это далеко не самое опасное из того, что может быть создано. Недавно, например, я придумал действительно страшную машину, вот её я никогда не стану строить. Я изобрёл механизм, способный сломать границу и разрушить реальный мир.

– Эта машина... – холодея, начал Лонг.

– Она называется инвертор.

* * *

Они стояли на площадке сторожевой башни и смотрели в долину, озаряемую ночными всполохами. Зарницы вспыхивали и угасали, потом являлись в новых местах. Всё было как всегда, только там, где угадывался дворец Владыки, темноту прорезала отчётливая паутина света. Она ощутимо разрасталась, захватывая всё больше пространства. Безумная воля вносила подобие порядка в хаос, Всемогуший собирал силы, чтобы бросить их к Перевалу.

– Он не пройдёт, – нараспев говорил Труддум. – Даже если он действительно узнал об инверторе, у него всё равно ничего не получится. Я сконструирую более мощное устройство, чем у него, и обращу войско в бессильный призрак. Я построю орудия, которые раздавят дворец вместе с его мнимой и реальной силой.

– Ты хороший инженер, – сказал Лонг, и как всегда, когда звучало новое слово, Труддум понял и не переспросил, – но скажи: думал ли ты в последнее время об огне?

Труддум удивлённо вскинул голову.

– Думал только недавно. Дня три назад. Я вдруг понял, что толком ничего не знаю об огне, и стал размышлять, какой он бывает и как его можно получить.

– А через день Владыка едва не сжёг меня. Пойми, друг, не успеешь ты подумать о новом оружии, как оно уже появится у Всемогущего.

– Значит, наше дело проиграно, – пробормотал мастер.

– Значит, нам придётся сражаться, надеясь не на разрушительные аппараты, а только на самих себя.

Лонг спустился в свои покои, накинул на плечи плащ так, чтобы не было видно меча. Вышел в зал. По винтовой лестнице торопливо ковылял Труддум.

– Ты пойдёшь за Перевал? – спросил он.

– Как всегда, на три дня.

– Но ведь у нас как раз три дня осталось, а ещё столько дел...

– Я трачу эти дни на самое важное дело.

– Поцелуй от меня руку Констанс, – соглашаясь, произнёс Труддум.

* * *

Перевал был невидим и неосязаем. Просто после очередного трудного шага по крутому и опасному склону вдруг оказывалось, что дальше подъёма нет и можно идти по ровному. Но как бы упорно ни шёл путник, он ничуть не отдалился бы от края обрыва. Граница съедала его шаги.

Лонг вышел на край, достал из-под плаща меч. Лезвие серебристо светилось, глаз не мог отличить туманную сторону от стальной. Лонг повернул меч плашмя и очертил вход. Перед ним открылся спуск – крутой, полный обрывов, оползней и трещин. Но этот путь, так похожий на только что пройденный, был по другую сторону Перевала.

Дом Торикса стоял высоко в горах. Это было надёжное, прочное жилище, выстроенное бог знает когда, много раз перестраивавшееся и хранящее следы всех эпох. Только в таком доме мог жить Торикс – всегдашний друг, человек, знающий, кто такой Лонг, и относящийся к этому невероятному факту так же спокойно, как и к собственной жизни среди камней.

Торикс, увидев Лонга, удивлённо и радостно ойкнул и тут же потащил в дом, крича:

– Констанс, взгляни, какое чудо потерянное объявилось!

Констанс вышла, остановилась в дверях. Мгновение Лонг был неподвижен, потом наклонился и поцеловал руку.

– Конечно, это велел тебе сделать славный Труддум! – засмеялась Констанс. – Заходи в дом, рыцарь, ты как всегда успел к завтраку.

Лонг смотрел на неё и не очень понимал, что ему говорят. Лишь потом он сообразил, что уже сидит за столом рядом с Ториксом, а тот увлечённо рассуждает, очевидно в связи с чем-то только что рассказанным:

– ...всё-таки у вас, где, как ты говоришь, непрерывно что-то происходит, но ничего не меняется, жить несравненно проще. Главное, тебя никогда не подведут однажды проверенные истины.

Констанс сидела напротив, подперев щеку кулаком, слушала разговор с видом снисходительного интереса, как и положено женщине слушать заранее известную беседу между любимым мужем и старым хорошим знакомым, другом, почти братом. Она любит их обоих и рада удачному дню и хорошей беседе, хотя что они могут сказать нового в этом старом споре?

Тогда Лонг собрался с духом и рассказал всё, что можно было рассказать по эту сторону Перевала.

Больше всего Лонга поразило, как мгновенно изменился Торикс. Констанс испуганно приподнялась, в её глазах вспыхнула тревога, но всё же это оставалась прежняя Констанс, а вот Торикс... Здесь больше не было полнеющего увальня, любителя поболтать ни о чём, хлебосольного хозяина и строгого главы семьи, предусмотрительно послушного разумной хозяйке. Перед Лонгом встал воин и потомок воинов. Другу угрожала опасность, и он был готов отправиться навстречу ей, какой бы она ни оказалась.

– Я пойду с тобой, – сказал он, – и мы попробуем разобраться с твоим властелином.

– Нет, – сказал Лонг. – Ты принадлежишь этому миру и не должен из него исчезать. И потом, ты просто не пройдёшь границу.

– Ты меня проведёшь, – отрезал Торикс, – а что касается остального, то все мы рано или поздно исчезнем из этого мира, и лучше сделать это честно в бою с врагом.

– Возьми его, Лонг, – негромко попросила Констанс. – Он сильный, на него можно положиться, а я тогда буду спокойна за вас обоих.

– Но чем ты можешь помочь мне там?

– Как чем? – громко удивился Торикс. – Ты же сам говорил, что, явившись сюда, враг хочет заставить нас биться его оружием. А я встречу его по ту сторону гор, и пусть он бьётся моим. Посмотрим, устоит ли чародей в честной схватке. Для всех вас, Лонг, он Владыка, но мне-то он никто. И неужто ты полагаешь, что я не найду десяток-другой товарищей, которые не побоятся пойти куда угодно и разогнать любые толпы бесплотных теней? Так что ты скажешь о моём плане?

– Я не знаю, какими вы станете, когда перейдёте границу, не попадёте ли и вы под власть Всемогущего.

– Настоящий человек всюду останется собой! – убеждённо сказал Торикс, и Констанс в знак согласия молча наклонила голову.

– Сейчас я отправлюсь в город, – Торикс встал, – а к вечеру вернусь. Возможно, уже не один. Но в любом случае, завтра у нас будет отряд. Честно говоря, я давно хотел посмотреть дивную страну, откуда ты родом, но ты же знаешь, Лонг, какой я домосед, – я бы никогда не собрался. А так – совместим приятное с полезным!

Торикс рассмеялся и вышел. Лонг сидел, глядя в пол. Он не знал, надеяться ему или нет. Потом поднял глаза и встретился глазами с Констанс. Она ничего не сказала, не шевельнулась даже, но Лонг отчётливо понял, что она просит:

– Возьми и меня с собой.

– Нет, – молча ответил он, – если бы это было можно, я бы забрал тебя раньше.

– А ведь там живёт мастер Труддум и землепашец Оле, – она произнесла это как бы про себя, и некому было удивиться неуместности вдруг зазвучавших слов. – Они лучше многих реальных людей.

– Труддум против воли помогает Владыке, а Оле ушёл от меня, – сообщил Лонг и тут же, словно и не было только что полубезмолвного разговора, оживлённо спросил:

– Констанс, как ваши дети? Почему-то в этот раз ты ничего о них не рассказываешь.

– О!.. Дети выросли. Они стали совсем большими и воображают, что могут прожить без матери.

– Когда они поймут, что это не так, они станут действительно взрослыми, – сказал Лонг. Констанс поднялась.

– Я покажу их письма.

* * *

Торикс вернулся к обеду. Тяжело вошёл в дом, огляделся потерянным взором и выдохнул одно слово:

– Война.

– Что? – переспросила Констанс.

– Война, – повторил Торикс. – Кто бы мог подумать? В наше время. Здесь. У нас. И главное – сейчас, когда тебе нужна помощь. Вот что, – Торикс выпрямился, лицо его затвердело, – я всё равно пойду с тобой. Пусть меня считают трусом и дезертиром. Здесь справятся

и без меня, давно известно, что нападать на нас дело безнадежное. А ты один, тебе нужна помощь. Одно плохо: я не смогу привести отряд. До чего же не вовремя всё случилось!

– погоди, Тор, – сказал Лонг. – Не надо решать сгоряча. Боюсь, что связь между нашими мирами сложнее и крепче, чем мне казалось вначале. Ты говоришь – справятся без тебя. Нет, не справятся. Ты сила, Торикс, победа там, где сражаешься ты. Не надо уносить её отсюда туда, где она никому не нужна. А обо мне не беспокойся – у меня ещё есть два дня, за это время мы с Труддумом придумаем что-нибудь. В крайнем случае, ты всегда успеешь скрестить меч с Владыкой.

Торикс молчал, обхватив голову руками. Лонг подошёл к дверям.

– Мне пора уходить, – сказал он. – Но я обязательно вернусь. Ведь у меня ещё есть два дня.

* * *

Замок встретил Лонга небывалой суматохой. Какие-то вооружённые люди пробежали по коридорам, стояли у кремальер и бойниц, дозором бродили вдоль стен. Во дворе раздавался плачущий рёв выючного зверья, скрипели телеги. Там что-то выгружали, собирали, мастерили. Несомненно, это затеи Труддума. Лонг усмехнулся. Всё-таки Труддум – плоть от плоти этого мира. Он обязан непрерывно и суматошно действовать, и он действует: собирает дружину, возводит укрепления. Хотя отлично понимает, что замок защищать некому. Когда настанет время, доблестные мужи разительно переменятся. Побегут храбрецы, бдительные уснут на часах, а самые верные – предадут.

Впрочем, возможно, всё будет не так. Дружина окажется воинственной и неустрашимой, стены – неприступными. Плоскогорье вскипит страшной битвой, полчища Владыки будут вырезаны – ему не жаль! – а потом снизу подойдут новые легионы и, прежде чем начнётся настоящий бой на гребне Перевала, Владыка устроит театральное судилище над непокорными. Может случиться всё, что угодно, ясно лишь одно – суета ни к чему.

Мастера Лонг отыскал на крепостном дворе. Труддум, азартно размахивая длинными руками, указывал помощникам, как следует крепить на огромнейшем и ни на что не похожем механизме нестерпимо блестящий серебряный щит. Лонг критически оглядел творение Труддума. Явно новая штука, таких здесь прежде не бывало. Значит, такие же будут у Владыки. Господи, как драться-то с этой кучей металла?

Труддум прыгнул с горба стальной машины и побежал навстречу Лонгу. Вымазанное чёрными полосами лицо сияло.

– Знаю, о чём думаешь! – крикнул он на бегу. – Ты не прав, а я умница!

– Конечно, ты умница, но зачем это? – спросил Лонг.

– Чтобы собрать машину, мне нужен подмастерье. Лучше двое. А ты ушёл, и Оле тоже нет. Пришлось звать людей с плоскогорья, и, конечно же, набежал целый полк. Все хотят дела, и все его получили. Пусть тешатся, когда настанет пора, мы их отошлём. Нам не понадобится войско, нам ничто не понадобится, кроме новой машины.

– Я согласен, что в природе нет оружия вернее твоего танка, – сказал Лонг, – но что станет, когда Владыка бросит на нас сотни таких механизмов?

– Хоть тысячи! – Труддум приподнялся на носки и зашептал в ухо Лонгу: – Пусть хоть миллионы! Это не оружие. Это зеркало. Оно не умеет нападать, оно лишь отражает всё. Владыка пошлёт в бой чудовищ – такие же бестии выйдут ему навстречу. Он бросит огненные стрелы – пылающий дождь упадёт на его голову. Пускай он создаёт такое же зеркало – нам ничего не будет. Мы не станем нападать, мы будем самыми лояльными из непокорных подданных, даже слова осуждения не позволим мы себе. В этой войне плохо придётся тому, кто начнёт атаку, а воевать хочет Владыка. Нам от него ничего не нужно.

– Труддум, ты вправду умница! – сказал Лонг. – Кажется, это выход.

* * *

Лонг сделал последний шаг, коснулся рукояти меча, но тут же убрал руку. Ведь это по сути дела тоже игра, меч для перехода границы не нужен, а он больше не желает заниматься играми. Дело пошло всерьёз.

Границу Лонг раздвинул руками. Шёл вниз быстро, стараясь угадать, что его ждёт. Склон постепенно становился пологим, на нём густо росли деревья, мешавшие рассмотреть дом Торикса. Видна была лишь часть озера, по которому неспешно плыла белая лодка. Лонг ускорил шаги. Ему хотелось поскорее увидеть дом, встретить Констанс, тогда он сразу поймёт, всё ли в порядке.

Переступая границу, Лонг не мог сказать, куда попадёт. Ему случалось оказываться в диких краях, где первый пастух, сжимая каменный топор, берёт своё стадо. Иногда в долине, словно каменные деревья, поднимались шпили и башни средневекового города. Порой по склонам извивалась бетонная полоса дороги, по которой скользили блестящие металлические жуки. Но в какой бы эпохе ни оказывался Лонг, он всюду находил Торикса и Констанс, а значит – дружескую беседу, спокойствие и невозможное по ту сторону гор ощущение надёжности. Но на этот раз его не оставляло предчувствие, что бредовые планы Владыки лишь отголосок каких-то страшных событий, развернувшихся здесь. Или наоборот... Лонг понимал, что миры влияют друг на друга, но проследить все связи не умел.

Негромкий гул привлёк его внимание. Из-за ближайших вершин, басовито гудя, поднималась в зенит блестящая металлическая капля. Гравитационный челнок! Их ввели после запрещения сверхзвуковых полётов в атмосфере, когда орбиты вокруг Земли освободились от летающей военной заразы. Значит, на планете уже нет армий, нет границ. Здесь не может быть войны.

Лонг остановился и сел на камень. Ноги его неожиданно ослабли. Больше всего он боялся, что успех, которого они с Труддумом добьются в несбывшемся мире, обернётся здесь кровавой бойней. Счастье, что так не случилось. В мире Констанс – мир, и нет никого, кто мог бы его нарушить.

Дом стоял неподалёку от озера, такой же как всегда: толстые каменные стены с неудобными окнами-бойницами, черепичная крыша, причудливая антенна рядом с высокой трубой. Праздничными вечерами, когда в доме, словно сотни лет назад, разжигали очаг, над трубой поднималась голубоватая струйка смолистого дыма.

Лонг поднялся на веранду.

– Констане! – крикнул он. – Ториксе! С добрым утром!

Ответа не было. Дом встретил Лонга прохладной пустотой, полумраком, особенно приятным после ходьбы на беспощадном горном солнце. Лонг прошёлся по гостиной, выглянул в окно – лодки не было видно. Подумал, что неплохо бы, пока хозяев нет, сбегать искупаться, но представил ледяную воду горного озера и отправился в душ.

Лонг долго и со вкусом мылся, ежеминутно ожидая, что сейчас за стенкой послышится звучный голос Торикса: «Это кто тут у нас хозяйничает?..» – но в доме по-прежнему было тихо. Тишина начинала тревожить. Конечно, и Констанс и тем более Ториксу не раз приходилось надолго покидать дом, но в такие дни Лонг попросту не приходил, ведь он шёл к ним.

Лонг включил телевизор. По всем каналам в полном молчании транслировали одну и ту же заставку: «Ждите сообщений».

«Что случилось?» – испугался Лонг.

Он бросился к письменному столу, в ящике которого, как он знал, должен лежать запасной фон, но в это время хлопнула дверь, простучали шаги, и в гостиную вбежала Констанс.

– Лонг!.. – выдохнула она. – Как хорошо, что ты пришёл!

Лонг остановил улыбку, готовую раздвинуть губы. Перед ним стояла Констанс: как всегда невообразимо молодая и прекрасная, но радость в её глазах тонула в тревоге. Лонг понял: сюда тоже пришла беда.

– Что? – спросил он чуть слышно.

– Путч.

– Что?! – на этот раз громогласный вопрос звучал просто как междометие, выражающее одновременно удивление и недоверие к невозможному.

– Вот именно, – подтвердила Констанс. – Генерал Айшинг. Мы же его в школе изучали. Армейские путчи, сопротивление разоружению. Я думала, он умер давно. А они, их пятнадцать человек, захватили центральный склад бывшей военной техники. Там хранилось старое оружие, его использовали понемногу, иногда демонтировали, если требовалась только часть устройства. Сначала склады охраняли, потом решили, что это лишнее: кому нужен древний хлам? Говорят, уже было решено полностью ликвидировать склад, но не успели. Там есть и ракеты и ядерные устройства, и всё захватила кучка сумасшедших стариков. Ведь самому младшему из них за восемьдесят. Они разблокировали дверь и заперлись изнутри. И ты знаешь, – голос Констанс упал до шёпота, – они убили трёх человек, инженеров, которые работали на складе.

– Не понимаю, – сказал Лонг. – Такая бессмыслица может быть только в моём мире. Пятьдесят лет назад у путчей хоть цель была, а на что они сейчас надеются?

Старинная дверь ещё раз громко хлопнула, в комнату влетел Торикс.

– Ну? – воскликнула Констанс. – Тор, что они требуют?

– Ничего, – зло ответил Торикс. – Это самоубийцы. Как только они кончат монтаж пусковой установки, они начнут бомбардировку всех крупных городов Земли. Без разбора. На это у них уйдёт два дня. Но взорвать заряды они могут уже сейчас. На складе столько плутония, что взрыв заразит всю планету. И они это сделают, я же говорю, они самоубийцы. Склад штурмом не взять, они успеют пустить его на воздух, уговаривать их бесполезно – они невменяемы. Остаётся единственное – дать произвести залп и демонтировать заряды в воздухе, пока ракеты летят к цели. Возможно, есть и другие пути, но я буду заниматься этим.

Тут только Торикс заметил неподвижно стоящего в стороне Лонга.

– Ты? – воскликнул он. – Вот удача! Поехали скорее, я попробую включить тебя в отряд пилотов. Ты ведь в ядерных устройствах тоже разбираешься?

– Я не смогу, – виновато произнёс Лонг.

Торикс слушал Лонга молча, лишь порой морщил кожу на лбу. Потом сказал:

– Ты считаешь, что бешеные генералы рождены твоим Владыкой? Мне кажется – наоборот, в конце концов, первичны мы, а в твой мир уходит то, что невозможно в нашем.

– Не знаю. Но смотри: едва я оказался в безопасности, как твоему миру стало грозить уничтожение. Боюсь, что до тех пор, пока я буду отражать атаки Властелина, айшинги у вас не переведутся.

– Об этом не думай! – приказал Торикс. – Делай своё дело, а с местными владыками мы разберёмся сами.

– Что нам ещё остаётся...

– И не раскисай! – прикрикнул Торикс. – Мы работаем вместе. Только я над тем, что должно быть, а ты над тем, чего быть не должно. Случается, мы меняемся ролями. Ну и что? Главное – честно работать. Извини, я помчусь. Я ведь заскочил только с Констанс попроситься. А тут ещё тебя застал. Не огорчайся, твоё положение не так безнадежно. Оборону ты наладил, теперь переходи к наступлению. Желая показать твоему всемогущему приятелю, где зимуют раки.

– Я обязательно это сделаю, – сказал Лонг.

* * *

Гудящий прожектор бросал ослепительный луч с вершины башни. Пятно света пробегало по кустам, задевало обгоревшие остовы ветряных мельниц и бесследно исчезало в долине. Лонг стоял, провожая взглядом бегущий луч. Туда, к южным границам плоскогорья, ушло сегодня ополчение. Собственно говоря, Лонг попросту отослал навстречу Владыке своих эфемерных союзников, которые могли только помешать ему. В замке Лонг остался вдвоём с Труддумом.

Все хитрые приспособления Труддум законсервировал или разобрал. Осталось лишь огромное зеркало. Пока оно было выключено, оно имело вид низкой повозки с большим серебряным щитом, установленным наподобие паруса. Но едва зеркало включали, как щит расплывался тончайшей прозрачной плёнкой, через которую не могло пройти никакое тело.

Зеркало подключили к реактору. Они остановились на этом источнике энергии, поскольку в борьбе с властелином флюктуаций нельзя полагаться ни на вечные двигатели, ни даже на мельничное колесо, столько лет исправно служившее им.

Лонг выключил прожектор и спустился вниз. Вообще-то прожектор можно было и не выключать, он питался от огромной клепсидры, вода которой, падая вниз, крутила турбинку, а потом поднималась обратно в верхний шар по системе изогнутых капилляров, но Лонг приучал себя беречь энергию. Скоро её будет немного.

В нижнем зале, положив локти на край пустого пиршественного стола, сидела согнутая человеческая фигура. В первое мгновение показалось, что это Труддум, и лишь потом Лонг узнал гостя. Его Лонг не опасался, хотя и не понимал, как тот прошёл сюда через включённую защиту. Впрочем, когда имеешь дело с Отшельником, многое становится непонятным.

Лонг сел напротив гостя, молча стал ждать. Отшельник поднял сухое тёмное лицо.

– Ты хорошо подготовился к войне.

– Я старался.

– Ты веришь, что зеркало удержит Владыку?

– Я надеюсь, а это тоже немало. Надёжней было бы поставить зеркало на самом Перевале, но там его нечем питать. Реактор здесь.

– Сильная машина, – согласился Отшельник и тут же без всякого перехода добавил: – Сегодня ко мне пришёл человек по имени Оле.

– Он уцелел? – радостно воскликнул Лонг.

– Конечно. Он просто шёл и шёл, пока не добрался до меня. И с ним ничего не случилось – кому нужен маленький Оле? Он просил передать, что сегодня же отправится обратно. Ведь он здешний и должен вернуться, как бы далеко ни зашёл. Он будет жить здесь, даже когда от твоего замка не останется следа и сами горы рассыплются пылью...

– Так не будет! – крикнул Лонг. – Я Страж! Я не дам Владыке стереть границу!

– Я тоже страж, – чуть слышно промолвил Отшельник, – хоть и не ведаю, что закрываю от безумия своим небытием. А ты знаешь, что по твою сторону границы добро, красота, правда. Ты видел их, ты был счастлив, в тебе бушует горячая кровь, и за это ты сегодня платишь. Или ты раскаиваешься в том, как жил?

– Нет, – сказал Лонг.

Отшельник поднялся. Старый плащ свисал с его плеч прямыми неживыми складками.

– Скоро утро. У нас с тобой много дел. Сегодня ещё ничего не случится, но это последний день.

* * *

Лонг быстро шёл вниз по тропке. Солнце ещё не показалось в просвете между вершин, вокруг стояла чуткая утренняя тишина. Лонг торопился к дому Торикса. «Это последний день», – звучали в ушах слова Отшельника. Теперь Лонг знал, что надо делать ему. Он уже не надеялся найти здесь помощь. Он просто хотел ещё раз повидать Констанс.

За крутым поворотом дороги стояли четверо. Заросшие лица, спутанные волосы, на коренастых фигурах боевая одежда из крепкой сыромятной кожи. В руках тугие луки, короткие железные мечи. Тяжёлая стрела с острым костяным наконечником ударила по доспехам Лонга и, отразившись, ушла вбок. Лонг вырвал из-под плаща меч. Четверо разом бросились на него. Через минуту один из нападавших лежал неподвижно, другой катился с обрыва, пятная валуны красным, а двое, побросав перерубленные мечи, бежали по тропе вниз.

Лонг поднял к глазам меч. Лезвие было чисто, только булатная часть потускнела от стёртой крови. Настоящей крови настоящего человека, которого он убил.

Лонг с трудом запихнул меч в ножны. До сих пор никто не нападал на него по эту сторону Перевала. Конечно, он заранее знал, что не попадёт к Ториксу в мирное время, но чтобы враги оказались здесь, у самого дома?

Надо было спешить. Над вершинами деревьев, над белыми скалами медленно поднимался столб дыма. Дым шёл оттуда, где жила Констанс. Лонг, задыхаясь, бежал туда.

Дом был окружён. Три десятка чужих воинов, прикрываясь деревьями, обстреливали его зажжёнными стрелами. Каменные стены гореть не могли, сопротивлялась пламени и засыпанная землёй крыша. Но уже пылала трава под окнами, занялась дверь. Из дома в нападавших тоже летели стрелы, несколько неподвижных тел лежало на открытой площадке.

С невятным криком Лонг кинулся вперёд. Не было времени размышлять, какая льётся кровь, зло всегда реально, надо было выручать друга, спасти любимую. Лонг бил, его страшный меч поспевал всюду и рассекал всё.

Дверь дома распахнулась, оттуда с копьём в одной руке и мечом в другой выпрыгнул Торикс. Они пробились друг к другу, и Лонг сразу успокоился. Стоя спиной к спине, они отражали нападавших, и те вдруг заметили, что их осталось едва десятков, остальные корчатся на земле или вовсе лежат без движения, и кто-то закричал от страха, кто-то бросился прочь, поляна опустела, а Торикс, схватив чужой лук, метал вслед бегущим стрелы, чтобы не ушёл никто.

Потом Лонг и Торикс остановились, взглянули друг на друга и улыбнулись. Из дверей навстречу им вышла Констанс. Она была прекрасна и молода, только возле глаз лучились морщинки и в волосах сквозили седые нити. На боку висел наполовину пустой колчан.

Лонг поклонился и поцеловал руку.

– Кажется, я поспел вовремя, – сказал он.

– Они идут и идут, – глухо промолвил Торикс. – Никто не знает, сколько их и откуда они пришли. Вчера нас сбили с горных проходов, теперь приходится уходить в пещеры. Ты застал нас случайно. Если бы не эти, – Торикс кивнул на трупы, – мы бы ушли рано утром. Мы задержались, чтобы закопать то, что нельзя унести с собой.

– Тогда надо поспешить, – сказал Лонг.

– Сейчас пойдём, но мне нужно добежать к соседям, посмотреть, успели ли они, а ты пока следи, чтобы никто не подобрался незаметно. – Торикс поднял с земли копье и скрылся за деревьями.

Лонг опустился на обрубок бревна.

«Вот так, – подумал он. – Я не нападаю на врага в призрачной стране, и, значит, здесь враги нападают на тех, кого я люблю. Я удобно скрыт волшебным зеркалом, поэтому здесь, всюду и во все времена Констанс угрожает гибель».

Холодная безнадёжность окутала Лонга. Выхода не было.

Констанс подошла к Лонгу, положила на землю охапку собранных стрел: своих, оснащённых железом, и чужих, из кости; присела на корточки, заглянула в опущенное лицо.

– Не тревожся, – сказала она. – Прежде бывало хуже. Конечно, кочевники прорвались в долину, но смотри, никто из семьи ещё не погиб.

– Это нашествие... – выдавил Лонг, – оно из-за меня. Орды Владыки идут на Перевал, а я уклонился от битвы. Поэтому у вас так плохо. Но больше отсиживаться я не могу. Констанс, я пришёл в последний раз.

Констанс выпрямилась, положила ладонь на опущенную голову Лонга, провела по волосам.

– Знаешь, – сказала она, – я всегда была хорошей женой Ториксу, я родила ему семерых сыновей, старшие уже могут сражаться, но всё-таки иногда я жалею, что когда-то ты не увёз меня к себе. Дружба с Ториксом оказалась для тебя важнее.

– Важнее всего для меня ты, – чуть слышно произнёс Лонг, – если бы я увёз тебя, ты бы исчезла из мира, тебя бы не стало, а я хочу, чтобы ты жила. Даже если я никогда больше тебя не встречу.

Лонг поднялся, и Констанс, смутившись вдруг, отошла и вновь принялась собирать разбросанное по траве оружие. Лонг молча помогал ей.

Торикс с копьём в левой руке появился на тропе. Правой он прижимал к груди маленького белого козлёнка.

– Там никого нет! – крикнул он издали. – Отбились и ушли. А малыш остался.

Козлёнок взмекивал порой и бил тонкими ножками, но широкая ладонь Торикса надёжно удерживала его. И Лонг подумал, что в этой грубоватой бережности ко всем, кто не враг, лучше всего виден настоящий Торикс.

– Ты идёшь с нами? – спросил Торикс.

– Нет, – сказал Лонг. – В моих горах тоже нашествие, враги хотят прорваться через Перевал к вам, поэтому я должен драться в своей стране.

– Жаль, – сказал Торикс. – Я рассчитывал на тебя.

– Жаль, – эхом откликнулся Лонг.

– Ничего! – Торикс выпрямился, голос его загремел. – Не унывай! Мы как прежде бьёмся спина к спине. Пока по ту сторону гор ты, я буду знать, что никто не сможет ударить меня сзади. Слышишь? Горы не толще рубахи, мы с тобой стоим спина к спине...

Констанс вынесла из дома два тяжёлых, перетянутых ремнями узла, сильным молодым движением перебросила их через плечо, приняла у Торикса замолкшего козлёнка. Торикс словно охапку дров взвалил на спину собранное и связанное оружие. Лишь своё копье он оставил свободным.

Вот и всё. Можно уходить. Пускай даже враг подожжёт дом, каменные стены уцелеют, и когда-нибудь дом будет отстроен.

Лонг молча смотрел вслед уходящим. Уходил друг, и уходила любимая женщина. Рвалась единственная ниточка, связывавшая его с подлинным бытием. И это казалось более невозможным, нежели текущие пустыни Отшельника. Лонг привык жить походами через Перевал, время от одного похода до другого было лишь ожиданием. Теперь ждать нечего. Сила и надёжность Торикса, возможно, будут доходить к нему через границу, ведь на деле она много тоньше рубахи, а вот Констанс он больше не увидит. Никогда.

Странное чувство испытывал он к этой непостижимой женщине: то юной, то умудрённой годами, но всегда и во все времена удивительно прекрасной. Даже безнадёжной его

любовь назвать нельзя. Так можно в юности любить нереального, выдуманного человека. Но здесь всё оказывалось наоборот: во вселенной не было ничего реальней Констанс, а вот Лонг принадлежал бреду, бурлящему по ту сторону Перевала.

Когда Констанс с Ториксом скрылись за поворотом, Лонг сглотнул набухший в груди комок и тоже пошёл вверх, туда, где пролежала известная лишь ему граница.

* * *

Четвёртый день не наступил.

Давно пришло время утра, но солнце не взошло, и небо беззвёздно чернело. Зато внизу, где начиналось Предгорье, света было слишком достаточно. Там пылало и, рассыпая искры, рушилось; проплывали облака сияющего тумана, тысячесвечёвые прожектора взрвали клинками лучей столбы кипящего дыма. Там шёл бой. Впервые пригоряне сражались без Лонга.

Лонг стоял у стены замка и ждал, когда внизу затихнет пышный и кровавый фейерверк, устроенный расточительным Владыкой. Вообще-то конца сражения можно было и не ждать, но Лонг медлил. На нём серебрились новые, выкованные Труддумом доспехи, на перевязи покоился меч, словно Лонг собрался в бой. Так оно и было, только в этом бою ему не понадобятся ни меч, ни панцирь.

Лонг знал, что не устоит в единоборстве со всем нижним миром и прятаться за зеркалом тоже не имеет права. Перевал, прежде недоступный, теперь не сможет удержать ополумевшего Владыку. Единственное, что можно сделать, это уничтожить Перевал вместе с границей, чтобы войскам просто было некуда идти. Но чем бы ни кончилось дело, завтра хранитель Перевала будет уже не нужен.

Лонг ждал, жадно вдыхая жгучий, пахнувший гарью воздух. Ему не было страшно, но сильнее страха сковывало простое, истовое желание жить. Пусть только здесь, не видя Констанс, пусть даже у самых ног Владыки, но всё-таки жить, знать, видеть. И он использовал подаренную ему отсрочку для того, чтобы дышать до боли холодным, дымным воздухом.

Раскаты сражения приближались. Владыка теснил непокорных, собираясь, вероятно, устроить завершающую бойню у стен замка. Вскоре появились отходящие. Именно отходящие, отступающие, но не бегущие. Женщины Предгорья шли, побросав вещи, скот, вели только детей и волокли раненых. Здоровых мужчин не было, они оставались там, где катилась, пережёвывая их, смертоносная лава наступающих.

Через несколько шагов беженцы натолкнулись на зеркало. Они не нападали, не били, не угрожали, поэтому зеркало просто не пустило их, оттолкнуло мягко, но решительно. Сразу поняв, что дальше дороги нет, обречённые остановились. Кто-то ещё пытался укрыться среди камней, часть лихорадочно принялась рыть траншеи, но большинство просто опустилось на землю, чтобы спокойно дожидаться конца.

Воинство Владыки поднималось по склону. Не армия, не орда, а туча, сплошная волна тел и дурмана. Бронированные самопалы, фыркающие огнём гады, кривоногие уродцы, вооружённые отравленными кинжалами, нечисть, прозрачная до голубизны, а позади всего – тяжело шагающие электрические черепахи инверторов. Здесь они не могли работать по-настоящему и были просто балластом, но когда их включают у Перевала, тогда оружие людей станет бесполезным, а бессмысленная нежить агрессора обретёт убийственную силу.

Волна катилась судорожными рывками, словно огромное безмозглое существо, порой останавливаясь, а то и отдёргиваясь назад. Сначала казалось, это происходит лишь оттого, что слишком много наступающие давят и калечат друг друга, потом Лонг заметил обороняющихся.

Горстка чем попало вооружённых людей сдерживала потоп. Их вёл высокий и худой, чем-то похожий на самого Лонга воин. Месяц назад он принёс в замок известие о приходе жуков-людоедов, и Лонг называл его про себя Гонцом. Вот Гонец, что-то неслышно крича, сорвал с пояса круглую самодельную бомбу, швырнул её в разинутую пасть ползущей на чёрных шипах рыбы. Чудище вспухло взрывом, разбросав ядовитую слизь. И тут же сам воин упал на землю. Из рассечённого горла горячим фонтанчиком хлестнула кровь.

Лишь теперь Лонг понял, что значат ржавые пятна на повязках и одежде, увидел алые струйки, сочащиеся из-под ладоней, зажимающих раны, заметил трупы, плавающие в крови, которой прежде не было.

– Они живые! – закричал он. – Пропусти их! Зеркало убери!

Труддум, сжавшийся в комок в недрах своего аппарата, оторвал ладони от лица и вонзил растопыренные пальцы в клавиатуру. Опалесцирующая плёнка зеркала лопнула. К Лонгу прорвался бесконечный лязг, рёв и грохот сражения.

– Всем отходить назад! – заорал Лонг, бросаясь навстречу вздымающемуся живому валу.

Он запоздало кинулся на выручку людям, которые верили ему и которых он равнодушно, словно Владыка Мира, отправил на смерть. Краем глаза он успел заметить, что, как и прежде, отходят только женщины с детьми, воины остались с Лонгом. Это спасло его. Лонг был закован в непроницаемую броню, меч в его руках был способен разрубить что угодно, но один он попросту был бы погребён под телами убитых.

Огненная стена дрогнула и начала отходить. Лонг двинулся было вперёд, но заметил, что навстречу ему, шагая по колено в бегущих, движется невиданный великан в сияющих доспехах. В левой руке великан держал обоюдоострый меч. Одна сторона меча невесомо струилась туманом, на другой отпечатался рисунок булата.

Лонг понял: это смерть. Там нет противника, есть лишь зеркало. Труддум говорил, что возможно кривое зеркало, которое всё увеличивает. Лонг в нерешительности замер. Остановился и великан, но зато всё остальное воинство повернуло на Лонга. Снова он бил, а рука становилась всё тяжелее и меч медленней. И нельзя было идти ни назад, ни вперёд.

Когда Лонг пришёл в себя, он увидел, что стоит с мечом в руках возле разрубленной туши издыхающего дракона, рядом остались только свои, а от набирающей новые силы армии Владыки их отделяет едва заметная поверхность вернувшегося зеркала. Труддум успел выбрать мгновение и остановить битву.

– Туда! – Лонг мотнул головой в сторону Перевала. – Идите быстро, времени нет. Если вы настоящие – пройдёте.

Не задав ни единого вопроса, группа истерзанных людей двинулась к горам. Их оставалось немного, едва ли больше полусотни. Дойдут ли они? В какое время выйдут? И чем встретит их реальный мир, порой не менее жестокий, чем ойкумена Всмогущего? И всё же у них есть шанс.

– Великий разум, как бы я хотел попасть туда!.. – простонал за спиной Труддум.

– Иди, – сказал Лонг.

– Не могу. Я знаю, что ты задумал, и должен помочь тебе. Один ты не справишься, а я... хороший инженер.

Полки Владыки ринулись вперёд и беззвучно разбились о зеркало, оставив груды убившихся. Лонг представил, как вместе с этим первым натиском в мире Констанс начались непоправимые и опасные события: двинулись армии разных времён и народов, раскосые пришельцы обнаружили в ущельях забаррикадированную пещеру Торикса, а в самом далёком будущем, которого достигал Лонг, поднялись в воздух ракеты озверевшего от ненависти и бессилия бывшего генерала Айшинга. Ракеты, которыми может кончиться всё.

– Пора, – сказал Лонг.

Ответа не было. Лонг оглянулся и увидел, что Труддум, скорчившись, лежит на земле. Лонг кинулся в нему, перевернул.

– Что с тобой?

– Так надо, – прошептал мастер. – Просто я вдруг придумал, как можно победить Лонга. Для этого я должен взять нож, помочь тебе снять доспехи, а потом ударить в спину. А когда ты умрёшь – отключить зеркало. Я это понял, взял нож и пошёл. Так приказал Всемогуший. Но я обманул его и прежде ударил себя. Прости, теперь тебе придётся одному... Я слишком много души отдал вечным двигателям и другим невозможным диковинам. Поэтому я и не смог уйти и, как ни старался, до последней минуты помогал Владыке. А ты иди, я хочу видеть, как это будет. Обо мне не беспокойся, у меня нет горячей крови, и боль мне только кажется.

– У тебя есть горячая душа, – сказал Лонг.

– Иди...

* * *

В подземелье замка ничего не изменилось. В сухом душном воздухе мощно гудели турбины, питавшие зеркало. От стального корпуса реактора волной шёл жар.

Лонг остановился. «Один ты не справишься», – вспомнил он слова Труддума. Как быть? Если просто поднять алмазные стержни, то ничего не добьёшься. Реакция станет неуправляемой, температура начнёт стремительно нарастать, и едва она превысит полторы тысячи градусов, циркониевые трубы расплавятся, горючее разлетится по помещению, и цепная реакция прекратится. Генералу Айшингу не приходится задумываться над такими проблемами. В его руках бомбы, специально созданные для убийства. А Лонгу предстоит найти нечто, способное хотя бы несколько секунд противостоять напору разогретого до миллионов градусов вещества. Труддум, конечно, знал, как взорвать реактор, недаром он говорил об этом как о простой инженерной задаче. Но сейчас помощи ждать неоткуда: Труддум лежит, глядя стекленеющими глазами в небо, и ждёт, справится ли Лонг.

Лонг поднял голову. Вырубленное в скале подземелье было перекрыто цельной плитой из густо-чёрного лабрадора, на которой как на фундаменте стоял весь остальной замок. Неохватная колонна поддерживала циклопическую плиту. Лонг критически оглядел её. Синие павлиньи блики мерцали в черноте камня. Пожалуй, тысячетонная плита может сработать за пресс. Надо только убрать колонну...

Одной рукой Лонг принялся быстро вертеть штурвал подъёмника. Стержни разом пошли вверх и канули во тьме коридора. В то же мгновение камеру залило ослепительным нечеловеческим светом. Страшный жар, в сравнении с которым ничтожными казались огнемёты Владыки, охватил Лонга. Но всё же он успел, прежде чем испарились последние капли живой крови, ударить мечом по колонне. Потолок резко пошёл вниз, хрустнули, сминаясь, доспехи.

Умиравший Труддум уже ничего не видел, но он почувствовал, как раскололась земля, и обрадовался, поняв, что Лонг успел.

Огненное море выплеснулось из-под земли, поднялся, разрастаясь убийственным грибом, смерч. Пламя, отражённое и стократно усиленное кривыми зеркалами Владыки, ринулось на горы. Но не было уже никого, кто мог бы наблюдать, как рушатся вершины, погребая узкую седловину Перевала, как горы проваливаются сами в себя, а за ними открывается мёртвое пространство пустыни.

* * *

Посреди отравленной радиоактивностью пустыни, наполовину уйдя в спекшийся песок, лежал Лонг. У него больше не было доспехов, не было и крови. Он целиком попал во власть нереального мира, и тот сотворил над ним одну из своих злых шуток: Лонг уцелел, оказавшись в самом сердце взрыва. Он не чувствовал тела, не воспринимал времени, но видел перед собой оплавленные камни мёртвой пустыни. Сколько хватало глаз, всюду громоздились камни. Всё-таки здесь был север, эта пустыня мало походила на тающую преисподнюю юга. Каменные россыпи полого уходили вверх к высокому горизонту, но Лонг знал, что это обман. Гор больше не было, сознание этого приносило ему горькое облегчение. Нет Перевала, нет границы, а значит, никогда потусторонний бред не ворвётся в живой мир.

Лонг не знал, долго ли он провёл так, вплавленный в камень, словно мошка в каплю янтаря. Привёл его в себя негромкий голос:

– Здравствуйте, сеньор!

– Ты вернулся, Оле? – сказал Лонг.

И хотя опалённое тело не сумело издать ни звука, но Оле услышал и понял.

– Да, сеньор, вернулся. Здесь стало неудобно. При вашей жизни было намного лучше. Здесь жило много людей. Теперь мне придётся жить одному.

– Значит, не я, а ты был стражем Перевала.

– Что вы, сеньор! Перевал был ваш. Вы были хранителем кусочка правды в мире лжи. Но теперь они разошлись, и у них нет общей границы.

– Это хорошо, – сказал Лонг.

Высоко в белесом небе, неслышно гудя моторами, полз реактивный лайнер. Вечер. Лонг видел, что он больше не нужен. Он всё сделал как надо, не уклонился, не ушёл от битвы, поэтому за разрушенным Перевалом люди сумеют устоять перед теми, кто идёт войной на правду. Констанс с Ториксом вернутся в свой вечный дом. И главное... Лонг обвёл взглядом окрестности: чёрное, рыжее, серое...

– Хорошо, что это произошло здесь, – сказал Лонг. – Значит, настоящий мир не превратится в такую пустыню. Со своими бедами Торикс справится сам, а злое безумие не сможет ударить его в спину.

Оле присел на корточки, развязал мешок, достал исцарапанную флягу.

– Хотите пить, сеньор? – спросил он. – Это последняя настоящая вода. Новой набрать негде.

Лонга окутала прохлада и свежесть. Вода текла тонкой струйкой. Лонг сделал глоток и закрыл глаза. Он знал, что наконец умирает. Даже если в горячке Мира и возникнет когда-нибудь закованная в доспехи фигура, которую станут называть Лонгом, это всё равно будет не он.

Вода кончилась. Лонг вздохнул и улыбнулся. Он вспоминал Констанс, которая будет всегда.

Квест

Костёр прогорал, и фигуры сидящих сдвигались плотнее, словно пальцы, медленно сжимающиеся в кулак. Люди молчали, и в темноте почти не было видно лиц, но никто не поднимался с места, хотя давно пора укладываться спать. Больше спокойных ночёвок ожидать не приходится, на том берегу речки, что чуть слышно лепечет в ночи, начинается Запретная земля, там ни единой минуты нельзя пробыть безопасно.

Квест оглядывал сомкнувшиеся фигуры, в который раз пытаюсь поверить, что всё происходит именно с ним. Запретная земля, о которой рассказывают сказки, семеро странников, идущих к неведомой цели. Потом, если хотя бы одному удастся вернуться, их назовут героями. Это он-то герой? Он прожил здесь всю жизнь, даже не пытаюсь ступить на тот берег. Да и внешность у него совсем не геройская: худые ручонки, тощая шея, на рёбрах можно выстукивать музыку, словно на старом ксилофоне, что по праздникам вытаскивался на середину деревенской площади. В других деревнях ксилофона не было, там танцевали под скрипку, мандолину и барабан. А у них сверх того был ещё и ксилофон, Квест даже пытался на нём играть, но так и не выучился толком. Вот если бы выучился, то, возможно, и попал бы сюда. Его тогда звали бы художник Квест, и он шёл бы исполнять желание для всех, кто играет на цитре, держит в руках кисть или рассказывает волшебные истории. Среди странников обязательно должен быть художник. Так повелось издавна, и не Квесту нарушать традицию. Вот художник, Лид Алвис, сидит позади всех и смотрит на огонь через плечо соседа. Лид Алвис настоящий артист, это сразу видно. Жаль, что Квест не спросил, каким именно искусством занимается попутчик. Может быть, он поёт песни, тогда можно было бы попросить Лида спеть, и вокруг не было бы так мрачно.

На той стороне у самого горизонта что-то беззвучно полыхнуло, озарив небо. Не зарница, конечно... разве зарница может рассыпать искры, словно праздничный фейерверк? В замке в день покровителя рода всегда устраивали салют, пускали дымные ракеты и жгли просмоленные колеса, из которых сыпали огненные клубки. На праздник сбегался народ с окрестных деревень и даже из пригородных сёл, которые к замку не имели ни малейшего отношения. Квест тоже любил смотреть пороховые забавы, ему нравился треск римских свечей, всполохи, селитряный запах дыма. Правда, этот салют слишком далеко, да и вряд ли он сулит доброе.

– Красиво... – произнёс Квест, стараясь успокоить сам себя.

– Не хотел бы я сейчас там быть, – словно соглашаясь, проговорил мечник Семир.

Конечно, Семир вовсе не был мечником. Мечники – простые люди, кнехты, а Семир происходил из рода древнего и богатого. Ему не приходилось служить наёмником, он сам водил в бой полки и целые армии. Но в руке Семира всегда был простой меч, такой же, как у его солдат, и потому полководца называли мечником. То не было прозвище или фамилия, Семир был слишком знатен, чтобы иметь фамилию. То была констатация.

Квест частенько слышал рассказы об удачливом воине, но не думал, что ему придётся запросто сидеть с мечником Семиром у одного костра. Хотя звание странника уравнивает всех. Только у одних есть фамилии или прозвища, а у других – нет. У Квеста тоже не было фамилии, его звали просто Квест.

Странники уходили в Запретную землю отрядами по семь человек, а возвращались... чаще не возвращались вовсе. Но порой, хотя никто не приходил из-за реки, люди всё-таки знали, что кто-то добрался к неведомому и сумел сказать желание. Каждый из дошедших мог загадать одно желание, и оно исполнялось, даже если герой погибал на обратном пути. Вот только желание должно быть не для всех, не обо всём и не навсегда. И самое главное, ничего нельзя загадывать для самого себя. Поэтому странники уходили в Запретные земли

редко. Кому охота погибать не для себя, но и не для всех? К тому же не так часто находились настоящие маги, готовые вести отряд. А без мага в Запретных землях делать нечего – погибнешь в первый же день. Хотя простолюдины поговаривали, что высшие степени посвящения колдун может получить лишь после того, как пройдет сквозь Запретные земли. А это значит, что семёрка странников набирается всякий раз, едва какой-нибудь волшебник станет достаточно могучим, чтобы пересечь с отрядом пограничную речушку.

Чернобородый Шемдаль был настоящим колдуном. О его делах рассказывали шёпотом и с оглядкой. Именно он уговорил мечника Семира идти в поход, а Семир не привык доверять кому попало. Эти двое прошли вдоль границы, выбирая место, где лучше перейти на ту сторону, и однажды, когда они устраивались на ночёвку, к их костру подошёл Квест. Он поздоровался, как и положено вежливому человеку, и начал греть руки над огнём, потому что ночь выдалась холодной.

– Как тебя зовут? – спросил чернобородый, в котором Квест, конечно, не признал колдуна.

– Квест, – честно ответил Квест и добавил: – Прозвища я не заслужил.

– А ты не боишься, что попал к разбойникам? – усмехнулся закутанный в плащ воин.

– Не-е. Грабить у меня нечего, а убивать зачем? Я погреюсь и дальше пойду. У меня на речке в омутах донки стоят, проверить надо.

– И как тут рыба? Не страшно ловить?

– Так я ж на тот берег не хожу. А рыба хорошая: окуни, ерши. Я с этого берега ловлю, а чудики с другого. Им на нашу землю тоже хода нет.

– Ишь-ты, как он их ласково – чудики, – произнёс Семир, переглянувшись с колдуном, а тот почему-то сказал:

– Судьба.

Так начал собираться отряд.

Что собирался просить у неведомого Шемдаль, Квест и догадываться не пытался. Не его это ума дело. А Семир может просить, например, удачи в боях против горных кланов. Или чтобы королевские войска сумели наконец взять островной Тепель, где гнездятся морские бароны. Да мало ли что может просить воин... Однажды случилось небывалое: воин, прошедший Запретные земли, потребовал у неведомого, чтобы наступил мир, и целых двенадцать лет страна не воевала. Другие воины не любили вспоминать этот случай, однако женщины его не забыли и упорно давали родившимся мальчикам имя удивительного солдата. Квест тоже был назван в честь того странника, поэтому ему было нелегко обходиться без фамилии, однако прозвища он так и не заслужил. Просто по имени зовут лишь самых знатных и самых ничтожных. Такова жизнь.

Когда среди людей проходит слух, что маг, воин и простак собрались вместе, на границу начинают стекаться люди. Четверо других странников чаще всего находятся среди них. Двоих участников выбирает волшебник, двоих – воин. А простак не выбирает никого, он идёт сам по себе.

Прежде всего мечник Семир нашёл крестьянина. Где князь сумел познакомиться с мужиком, осталось тайной, но отряд, состоявший покуда из трёх человек, двинулся в одну из дальних деревень, а там Семир, не колеблясь, постучался в ничем не примечательный дом и сказал вышедшему хозяину:

– Тур, я пришёл за тобой. Мы пойдём в Запретные земли.

И Тур Вислоух не поперечил сеньору, а собрался и, оставив немалое хозяйство на взрослых сыновей, отправился на поиски верной смерти, ведомый слабой надеждой, что, может быть, удастся испросить у счастливого случая что-то полезное для всех лапотников.

О, если бы Квест был мужиком, он бы знал, чего пожелать! – Чтобы пчёлы роились хорошо. Это невеликая просьба, и, значит, желание будет исполняться долго. А можно,

чтобы греча как следует родилась; это тоже на много лет. Он же понимает: если греча родится добрая, то будет и мёд, потому что гречишного поля без пчёл не бывает. Жаль, что Квест не мужик... он простака и не знает, чего ему потребовать у благосклонной судьбы.

Художник Лид Алвис пришёл к ним сам и стал пятым странником. Алвис был невысок, коренаст, и не было у него при себе никакого инструмента. Поэтому Квест и не знал, каким изящным ремеслом занимается попутчик. Но Алвис ему нравился – такой не подведёт. А когда Семир подобрал для художника оружие: короткий клинок и полный набор метательных ножей, то Квест окончательно убедился, что Лид Алвис был выбран не потому, что он художник, а потому, что может за себя постоять. Испытывая ножи, Лид пятью бросками срубил четыре ветки с растущего неподалёку тополя. Квест ничего подобного не умел. Да и оружия у него, почитай, не было – ножик на поясе и дорожная палка с железным оконечником. Простаку в дороге оружия не полагается. Иногда Квесту становилось смешно, что мудрейший Шемдаль тоже был вооружён дорожной палкой. Хотя даже глупый понимает разницу между дубинкой простака и посохом мага.

Все остальные странники вооружились на совесть. Тур Вислоух взял в дорогу ременный аркан и железную рогатину, с какой ходят на медведя. Юстин Баз – кровельщик из Мертеля – получил кривую саблю и пращу с набором свинцовых шариков, а уж Семир, казалось, имел при себе любое оружие, какое только изобрёл хитрый разум, хотя на первый взгляд ничего, кроме старого меча, у воина не было.

Юстин Баз был мастеровым и шёл загадывать желание для всех ремесленников. Глядя на тонкого гибкого парнишку, Квест лишь пожимал плечами. Будь его воля, он пригласил бы в поход оружейника или кузнеца. Кожемяки – тоже неслабые парни... Квест когда-то работал в кожевенной мастерской, соскабливал мездру с вымоченных шкур. Там он повидал, как работают кожевенники, и проникся к ним уважением. А что такое кровельщик? – одно звание, что мастеровой. И вообще, как он будет загадывать желание для всех? Давно сказано, что ножевщик игольщику не приятель. Вот разве что налоги всех давят одинаково. Должно быть, смягчения налогов будет просить.

Юстина тоже выбрал Семир. Когда пятёрка будущих странников добралась к столице, там уже знали, что готовится поход в Запретные земли, и отовсюду сбежались толпы народу. Большинство желало просто поглазеть, но были и такие, что просили взять их с собой. Шемдаль и Семир молчали, лишь покачивая головой в ответ на просьбы. А потом Семир вдруг кивнул, и молодой парень, в котором, кроме фамилии, ничего основательного не было, стал шестым участником экспедиции.

Дольше всего не могли найти купца, хотя уж этого добра в столице пруд пруди. И богатых, и победнее, и всяких. Каждый второй езживал в дальние страны, много кой-чего повидал и за себя постоять умеет. В поход идти купцы вызывались легче всех иных человек. Знали, что, даже если загинешь в Запретном краю, товарищи семью не оставят, всем базаром помогут. А что торговцам просить у неведомого, Квест и знать не хотел. У купцов и без того мощна тугая, им от судьбы ничего не надо. Однако шли, просились и получали отказ.

Так странники и пошли в сторону границы вшестером. И уже на полпути, в маленьком городишке Стомберге, отыскиали Орена Олаи. Шемдаль зашёл в полутёмную лавку, уселся на поспешно предложенную подушку и молча сидел полчаса. Хозяин лавки также молча сидел напротив и ждал. Потом волшебник, ни слова и не сказав, поднялся и вышел на улицу, а хозяин, кинув лавку, пошёл за ним следом. Так их стало семеро.

Если слишком молодой и хлипкий Юстин не вызывал у Квеста доверия, то уж купец и вовсе не понравился. Олаи был немолод, но худ и мал ростом. И главное – он был иноземец, влиец, приехавший по торговым делам и незаметно прижившийся на новом месте. Что из того, что он двадцать лет живёт в Стомберге – чужак чужаком останется. У него волос не

по-людски вьётся, глаза круглые, что две монеты, и желание он небось скажет для своих велийских компаньонов.

Однако взгляд мага остановился на иноплеменнике, и никто не пытался оспорить выбор.

Конечно, были и недовольные. Те, кто не попал в отряд, и просто гадкие люди, которые сами и на день пути не подошли бы к пограничной речке, но умели ненавидеть тех, кто посмел рискнуть головой не для себя, не для всех и неясно ради чего. Зачем такие завиды на свете живут, не скажет ни мудрец, ни простака. Однако и среди этих никчемушников нашёлся один, вздумавший оставить по себе скверную память. Притаился подонок в кустах ракитника, а дождавшись путников, метнул оттуда летучий крюк, метя в горло чернобородому Шемдалю. Квест и понять не успел, что случилось. Кусты дрогнули, впился в уши тонкий свист, а Орен Олаи вдруг расплылся в невообразимом прыжке, и в руке у купца возник вынутый из полёта боевой крюк, сверкнувший любовно оттянутым, зазубренным жалом.

Второго крюка засидчику метнуть не дали, скрутили, прежде чем злодей руку на отмах повёл. Шемдаль неторопливо подошёл, без улыбки заглянул в глаза неудачливому убийце.

– Что скажешь?

– Я... – натужно выдавил схваченный, – испытать хотел. Ежели вы и впрямь странники, то ничего вам не будет, а если нет, то нечего и народ смущать...

– Врёшь, – так же спокойно произнёс колдун.

– А если и вру, что с того? – Преступник задёргался, не пытаясь освободиться, а просто от ненависти. – Домой меня отпустите, что ли? Сволочи! Вам лишь бы покрасоваться – посторонись, народ, мы в Запретную землю идём, счастья немереного просить, чтоб козлы доились и собаки мяукали! Да я бы вас своими руками...

– Давай, – согласился Шемдаль. – Крюк у тебя отняли, а руки покуда на месте.

– Ясно дело, – не слушая, хрипел засидчик, – с колдуном всякий дойдёт. Пройдёте как по скатёрке, а потом всю жизнь будете нос задирать – мы, мол, странники, нам за сто вёрст кланяться надо.

– А что, – спросил смешливый Юстин, наклоняясь к связанному. – Пойдёшь с нами восьмым? Тогда и тебе за сто вёрст кланяться будут.

Пленник дико скосил глаза.

– Ты чо, сдурел? Восьмой на тот берег и ступить не успеет. И ваще, ты хоть знаешь, что там с людьми делается? Лучше здесь сдохнуть, чем туда соваться.

Впервые на губах мага появилась улыбка.

– Умница, – проговорил он. – Понимает.

Шемдаль коснулся верёвки, потом выпрямился и приказал:

– Полежи, отдохни у дороги. Верёвку не мучай, её ни нож, ни камень, ни огонь не возьмут. А захочешь развязаться – доковыляешь до города, там на рынке расскажешь людям, что собирался сделать и почему. Расскажешь без утайки, верёвка развяжется. Ну а соврёшь хоть на полслова – значит, сам виноват. А уж мы, извини, пойдём. Недосуг нам с тобой валандаться.

Не дожидаясь ответа, маг пошёл прочь. Остальные странники двинулись за ним, лишь Орен Олаи, задержавшись на минуту, собрал разложенные в засидке крюки, одобритительно поцокал, примериваясь для броска, распустил ремень на котомке, аккуратно уложил крюки и тоже побежал догонять уходящих странников.

– Вы чо?! – кричал вслед связанный. – Развяжите! Меня ж за такие дела там на рынке и порешат! Сволочи, развяжите!

С тех пор Квест уже не думал о велийце плохо. Надо же, торгаш, да ещё иноземец, а такие вещи умеет! Летящий крюк схватить, это не муху в кулак поймать, такого небось и Семир не может.

Собравшись всемером, странники вернулись к родной деревне Квеста и три дня бродили вдоль речки, выбирая место и час начала похода. На третий день Шемдаль объявил, что на тот берег они пойдут завтра с утра. Теперь все сидели у костра, наслаждаясь последними спокойными часами и прислушиваясь, что деется на том берегу. Там было тихо, лишь однажды мерные переборы воды нарушились живым плеском. Все мгновенно насторожилось, а Тур Вислоух спокойно произнёс:

– Квакша в воду прыгнула.

Квест не стал спорить, ведь это действительно была лягуха, хотя скорее всего не она в воду прыгнула, а её выдернул из воды вздумавший порыбачить чудик. Квест потому и прозвал соседей чудиками, что им не было разницы – рыба или лягушка, чудики тащили на берег всё и тут же ели сырьём. Случалось, если крючок донки выволакивал на берег одурелую лягушку, Квест швырял её на тот берег и смотрел, как из пустого, казалось, места вскидывается тонкая рука и на лету хватает подарок.

– Спать укладываемся, – приказал Семир, и все послушно зашевелились, готовясь к ночлегу. Поход ещё не начался, но о самовольстве пришла пора забыть.

* * *

Рассвет удался розовый и тихий. Ни ветриночки, ни единого облака на золотеющем небе. Странники поднялись, сполоснулись в речке, которую сейчас предстояло перейти, взяли заранее собранные вещи. Ждали, что Шемдаль скажет напутственное слово, но чудодей лишь кивнул молча и первым шагнул в воду.

До того берега было шагов двадцать, глубина нигде не достигала пояса, но всё же именно эта речушка отделяла страну от Запретных земель. Квест коснулся воды последним. Его не оставляло сомнение... конечно, колдун знает, что делает, но всё же стоит ли переходить реку вот так, направляясь прямо в лапы чудику.

Семир, идущий быстрее прочих, достиг уже середины реки, когда Квест решился.

– А чудик нас не тронет? – спросил он.

– Где? – Семир мгновенно замер.

– Да он по всему берегу лежит, а голова вон за тем камнем, – махнул рукой Квест.

Он не успел договорить, как в сторону камня просвистели выхваченный Лидом Алвисом нож, заточенный крюк, сорванный с пояса Ореном, и стальной диск, возникший в руке Семира. Юстин Баз крутанул пращу, но метнуть шарик не успел – сильный рывок опрокинул его в воду. Следом попадали остальные странники, один припозднившийся Квест остался на ногах. Неумолимая сила протащила путников по воде и камням, выволокла на берег к плоскому валуну, за которым скрывалась башка рыболова. Чудик к этому времени оказался уже мёртв, рывок был его последней судорогой.

Квест выбрался на берег, достал нож, принялся помогать товарищам. Тонкие как нитка ловчие руки не желали поддаваться стали, приходилось немало помучиться, чтобы они отпустили жертву.

– Это надо же, – проговорил Шемдаль, встряхивая мокрый плащ, – в первую же минуту на паутинника нарваться! Он бы сейчас всех семерых разом... И ведь ничем его на обнаружишь, покуда он тебя не схватит. Ни глаз, ни магия не поможет. Как тебе только повезло его заметить...

– Он лягушку ночью поймал, – признался Квест, – вот я и догадался, что он тут залёг. А вообще это знакомый чудик, он у меня часто рыбу прямо с крючка снимал.

– Лучше бы ты о своих подозрениях раньше сказал, прежде чем он нам ноги опутал, – проворчал Семир.

Квест потупился, потом виновато произнёс:

– Я же не знал. В следующий раз сразу скажу. Только мы же вдоль реки не станем ходить, а дальше у меня знакомых чудиков нет.

– Ладно, – засмеялся Юстин. – Пошли. Скоро солнце пригреет – высохнем.

До самого полудня отряд двигался без единой задержки. Квест даже удивляться начал – чего в этих запретных землях страшного? То же солнце, тот же ветер, те же камни, только трава иная – серая, словно дождей тут вовек не бывало. Хотя, как это не бывало? – за много лет Квест насмотрелся и на дождь, и на град, и на снег, падавшие на тот берег. Траву Шемдаль трогать не велел и вообще ничего не велел трогать – идти по камням, а на землю ступать, только если другой дороги нет.

К полудню сделали привал и снова направились на закат. Квест притомился и уже не глазел по сторонам, пытаясь высмотреть чудиков, а просто шёл след в след за Лидом, а сзади так же молча топал Тур Вислоух.

«Зря старика с собой взяли, – мельком подумал Квест, – не его ногам такие концы каждый день одолевать. У меня и то в ногах гудёж, хоть я и привычный по камням прыгать. Как бы он к завтраму не свалился. Может, котомку у него взять, всё полегче станет...»

Додумать мысль он не успел, впереди что-то сухо треснуло, полыхнуло огнём, за спинами предостерегающе вскрикнул Семир, а пустая каменная россыпь разом зашевелилась десятками неприметно-серых тварей. Первая из них метнулась в лицо Квесту, и лишь Вислоух, принявший её на вилы, не дал гадине вцепиться Квесту в глаза. Следующую тварь Квест сильным ударом насадил на палку. Существо зашипело, свернувшись в клубок, вгрызлось в железный наконечник, а Квест бестолково замолотил палкой, отбиваясь от врагов и стараясь сбросить с острия пробитую тварь. Он успел ушибить ещё двух или трёх, когда серые как по команде обратились в бегство и тут же исчезли, оставив по сторонам тропы десятка два убитых и умирающих братьев. Квест спихнул с наконечника размозжённое, но ещё шевелящееся тело, перевернул его, желая рассмотреть поближе.

– Пошли! – крикнул Семир. – Уходить надо, пока они не вернулись!

Отряд, сбившись плотнее, двинулся дальше. Теперь Квест не старался размышлять о всяких красивых поступках, а старательно пялил глаза, помня, что едва их не лишился минуту назад.

Они достигли середины каменистой пустоши, избегая низинок, но и на гривку не выходя. Ещё дважды прыгучие серые твари пытались напасть на них, но откатывались, не нанеся урона. Квест уже не опирался на палку, Шемдаль держал наготове свой огненный посох, а все остальные шагали, обнажив мечи и сабли. Последнее нападение серых оказалось особенно отчаянным, они пёрли, не считаясь с потерями. Отряд, огрызаясь, пробивался к краю россыпи. Квест как-то само собой оказался в середине, Шемдаль и Семир в задних рядах отбивали наскоки серых, а впереди, где противников оказалось не так много, двигались Лид Алвис и неутомимый велиец. Прямой меч художника и изогнутая сабля купца свистели в лад, разбрызгивая бурую кровь.

Потом что-то жутко затрещало, а серые твари вдруг сгнули, так же молниеносно, как появились. Квест развернулся лицом к новой опасности и увидел, что из-под земли, взломав каменную корку, тянутся две гигантских руки. Они сгребли не успевшего отскочить художника и сейчас мяли его в необъятных ладонях, как хозяйка разминает кусок теста, собираясь лепить шаньги. Орен Олаи, злобно визжа, рубанул по каменным пальцам, но лишь искры брызнули из-под сабли, чудовищные руки неспешно продолжали своё дело. Тур Вислоух с хаканьем метнул аркан, пытаясь удержать хоть один палец, но упал, сбитый не заметившим его усилий страшилищем.

В следующую секунду рядом с подземным монстром появился маг Шемдаль. Посох тупой стороной ударил по запястью одной из рук, вновь раздался рассыпчатый треск, руки

замерли, разом обратившись в неживой камень, и следом начали разваливаться на грубые обломки. Полузасыпанное тело Лида Алвиса осталось лежать среди камней.

Художника мигом вырвали из каменной груды, уложили на землю. Шемдаль и Орен Олаи склонились над ним. На мгновение у Квеста мелькнула глупая надежда, что Алвиса удастся вылечить, будто и не переломаны у него все кости. Ведь Шемдаль могучий колдун, сейчас скажет нечто, и кости разом срастутся... Однако ничего не случилось, Лид Алвис лежал неживой, и даже струйка крови вдоль щеки иссякла.

– Что это было? – спросил кто-то.

– Не знаю! – резко ответил колдун. Он выпрямился, вздёрнул посох, как бы собираясь метнуть в неведомого противника молнию, затем со вздохом опустил руки и повторил: – Не знаю, да и никто, должно быть, не знает. Тут много всякого.

Алвиса похоронили здесь же, засыпав выжженную в земле яму обломками каменных рук. Квест подобрал меч Лида, и никто не сказал, что простаку не положено оружие. Реку он перешёл с одной палкой, а о дальнейшем предание молчало.

Остаток дня Квест мучительно думал. Получалось так, что теперь он должен просить у неведомого для всех художников, ведь Лид не дошёл, погиб в первый же день, и, значит, Квест должен подменить его. Вот только что загадывать? Что вообще может понадобится этим артистам? Лид не сказал об этом, даже и полсловечком не намекнул, и Квест мучительно вздыхал и тёр лоб, пытаясь придумать хоть что-то дельное.

* * *

На ночлег путники остановились у самого края холмов. Дальше начинался лес, соваться в который на ночь глядя никто не решился. Выбрали место поровнее, Квест притащил воды из журчащего неподалёку ручейка. Шемдаль поворожил над котелком и сказал, что воду можно пить без боязни. Даже здесь родник оказался чист и не нёс угрозы.

Лагерь Шемдаль окружил сеткой заговоров. Свой пройдёт, а чужой – никогда, разве что силой проломится. Но и тогда – шуму наделает и всех разбудит.

Костра разжигать не стали. Огонь, конечно, бережёт от многих злых чар, но он же привлекает в ночи ненужное внимание. Вместо этого Шемдаль выбрал на лугу большой, наполовину ушедший в дёрн камень, добыл из заплечного мешка клубок шёлковых ниток, обвязал камень ниткою, и в ту же секунду гранитный валун раскалился до густого вишнёвого цвета. На камень поставили котелок, вскипятили воды, поели, захлёбывая домашний припас кипятком, выставили дозорных и повалились спать, хотя на сердце у каждого было невесело. Худо начался поход. Ушли, конечно, далеко, а вот человека потеряли.

Квест долго не мог уснуть. Лежал в полусонном оцепенении, думал. Прежде в его жизни всё было понятно. Хозяева, у которых приходилось работать, говорили, что и как надо делать, и Квест делал, честно и не отлынивая. Когда оставался без работы, то ловил рыбу, ставил силки и порой побирался у богатых соседей, благо что злых людей на свете не так много. А теперь стал странником и идёт неведомо куда. Даже мыслезоркий Шемдаль не знает, куда они идут. Сказано – идти на закат и, когда придёшь, молча загадать желание. Как это молча? Откуда неведомое узнает, что загадал Квест, если сам Квест не понимает, что ему захотеть? И что там за неведомое, как его признать? Немногие вернувшиеся странники ничего толком не рассказывали. Говорили только, что ошибиться нельзя, а как доберёшься, то сразу поймёшь, что пришёл, – мимо не прошагаешь. Сомнительно это было Квесту. В лесу, бывает, так закружишь, что деревню пропустишь, не услышав петухов и собачьего лая. А тут – неведомое.

Потом с чего-то припомнилось, как деревенский трактирщик нанял бродячего живописца наmaleвать вывеску над питейным домом. Маляр трудился два дня, и вывеска удалась

на славу. Пивные кружки были как настоящие, хотелось поскорей ухватить одну и сдуть пену. Довольный хозяин уплатил за работу вдвое против договорённого, и живописец, пряча деньги в тощий кошель, с удовольствием произнёс:

– Редко такое выпадает. Душой писать, и без того слаще, чем с девушкой целоваться, а коли за это ещё и платят по-человечески, то это полный восторг. А то ведь бывает и так: чем больше души вложил, тем меньше денег получишь.

Засыпая, Квест улыбнулся. Он теперь знает, чего испросить у неведомого: чтобы всякому художнику за вдохновенную работу давали человеческую плату. А который холодной кистью мажет – с ним уж как придётся.

Проспал Квест всего ничего. Ущербная луна едва успела приподняться над корявыми вершинами неживого леса. Квест проснулся, словно его толкнули в бок или позвали по имени. Мгновение он лежал, глядя на зубчатую стену лесной чащуры, стараясь сообразить, где он и как его сюда занесло. Потом разом всё вспомнил, заулыбался, ясно поняв, что поход закончен, они пришли к неведомому, просто куда сами того не знают. Всего-то осталось полсотни шагов, и можно загадывать желание. Только идти надо тихо и по одному – неведомое боится шума. Как удачно, что он успел понять, какое хотение следует произнести, оказавшись там.

Квест приподнялся на локте, бросил быстрый взгляд окрест. Так и есть, Тур Вислоух, вызвавшийся караулить в первую стражу, видать, уже ушёл за мужицкой удачей. Вон его котомка, вон вилы лежат на земле, а самого нет. Теперь очередь Квеста.

Квест встал, потоптался немного, разминая затёкшие ноги, и уже направился было к тускло светящейся полосе Шемдалевых заклинаний, но прежде склонился к спящему кровельщику. Пусть он идёт следующим, а то останется парнишка последним, струхнёт небось.

Стоило коснуться пальцами плеча, как Юстин Баз поднял голову, зорким осмысленным взглядом обшаривая окрестность. В тонкой жилистой руке зажата сабля, которую он неведомо как успел схватить.

– Тихо ты! – прошептал Квест. – Не буди народ прежде времени. Сейчас я пойду, а ты следом.

– Куда?! – пальцы, привыкшие иметь дело с черепицей и жестью, сомкнулись у Квеста на запястье. – Где Тур?

– Пока мы спали, он уже... – договорить Квесту не дали.

– Беда! – выдохнул Баз. И хотя произнёс он это почти беззвучно, но такая сила была в голосе, что все странники разом вскочили, хватаясь за оружие.

– Вислоух пропал, – коротко бросил мастеровой, – и вот он чуть было следом не упёрся...

Шемдаль вскинул руки. С растопыренных пальцев сорвался десяток светляков, затем ещё десяток, и ещё... Огоньки улетали в ночь, кружили, выискивая пропавшего человека. Ответа не было. Тур Вислоух, пожилой крестьянин, вовек не веривший сказкам, исчез, увлечённый тонким ночным шепотком.

Люди, забыв о собственной безопасности, звали ушедшего. Шемдаль засветил над головами солнечный шар, разогнавший ночь на сотню шагов. Тур не появлялся. Семир и Орен Олаи, перейдя полосу охранных заклинаний, попытались отыскать пропавшего по следам. На рыхлой песчанистой почве след был отлично виден. Пять спокойных уверенных шагов, а дальше – ничего. Словно человек рассеялся в воздухе вместе с арканом и кривым садовым ножом, висющим на ремне.

Поиски продолжались всю ночь и часть утра, пока всем не стало ясно, что больше здесь делать нечего. Продукты из мужицкого мешка распределили по своим торбам, Квест взвесил на руке брошенную рогатину, но брать не стал – тяжела. Рогатину Семир резким ударом вбил в трещину между камней. Так она и осталась стоять, словно крест над неизвестной могилой.

* * *

За день путники одолели немалое поприще. Сначала ломились сквозь чащу, где наконец-то появилось что-то живое. В воздухе зудела кусачая мошка, жирные пиявки падали с безлистных ветвей, тонкими струями перетекали змеи. Квест устал взмахивать палкой, отшвыривая с дороги шипящих аспидов.

Потом вышли к болоту. Это была скверная топь, не чета домашним трясинам, где знающий человек если и не пройдёт, то на брюхе проползти всегда сумеет. А тут ямы, полные густого ила, казалось, сливались одна с другой. В таком болоте и кикимора жить не станет, ей тоже уют требуется и тина на прялку.

Квест взирал на бурую топь, позабыв закрыть рот. Ясно, что дальше дороги нет, никто тут и десяти шагов не пройдёт. Можно и не пытаться.

Однако чернобородый маг видом болота ничуть не смутился. Поворожил немного, кинул в грязь что-то невидимое и спокойно ступил в самое, казалось, гиблое место. Поверхность болота прогнулась, словно зыбун, но не прорвалась, легко сдержав человеческий вес.

– Идём! – приказал колдун. – Только по сторонам поглядывайте. Вряд ли в этих ямах никого нет, а мне дорогу держать надо.

Слова Шемдаля подтвердились очень скоро. Путники не прошли и полсотни шагов, как на ровную полосу полезло нечто огромное, шевелящееся и столь густо покрытое грязью, что нельзя было разобрать, что же это за существо. Квест не мог даже понять – живой чудик или это опять что-то вроде каменных лап, убивших Алвиса. Полоса прогнулась под тяжестью монстра, липкая громада соскользнула в грязь и снова полезла, тупо и бессмысленно. Шемдаль, которому приходилось удерживать от падения в бездну не только людей, но и их противника, стонал сквозь сжатые зубы, Семир молча разил мечом, пытаясь согнать болотного чудика с человеческой дороги. Квест тоже несколько раз ткнул клинком и едва не упал, поскольку сталь почти не встретила преграды, ухнув в тело трясинника, словно в ком дурно сваренного киселя. Дорога качалась и ходила ходуном, угрожая выскользнуть из-под ног.

И в это время вперёд выскочил Орен Олаи. В руке купца едко дымился плотный бумажный свёрток.

– Берегись! – крикнул Олаи, швырнув свой снаряд в широкий разрез, на миг возникший после удара мечника.

Тупо бухнул удар, туша противника взбухла пламенем; дико было наблюдать эту картину: кружевную вязь из огня и липкой слизи, противоестественно взметнувшуюся над безучастной топью. Потом ощутившая удар бездна колыхнулась, нестойкую тропу свело судорогой. Люди попадали, цепляясь за изогнутую ленту, а разнесённый в клочки трясинец попросту растёкся вонючей жижей. Один Шемдаль устоял на ногах. Глаза его были закрыты, из закушенной губы сочилась кровь. Семир, сумевший вскочить первым, кинулся к магу:

– Помочь?

– Бегом! – прохрипел волшебник, наугад бросая перед собой ленту дороги.

В нескольких шагах позади вновь начал нарастать бугор разорванной твари. Баз и Олаи подхватили под руки Шемдаля, и путники кинулись прочь, не глядя куда бегут, лишь бы подальше от этого места.

Им повезло не пойти кругами, а пересечь болото едва ли не в самом узком месте. Противоположный берег был крут и каменист – самое подходящее обиталище для серых тварей и рукастых ловушек, однако путники обрадовались ему как родному. Знакомая беда – это полбеды.

Окончательно ослабевшего Шемдаля уложили на расстеленный плащ, дали глотнуть крепкого вина. Шемдаль закашлялся, однако цвет лицу вернулся и глаза обрели осмысленное

выражение. Маг оглядел болото, уже не спокойное, а булькающее, густо-кипящее, словно каша в походном котелке.

– Эх мы его разворошили! – восхищённо произнёс Юстин Баз. – Никак успокоиться не может. А это часом не горбина нашего красавца показалась?

– Какой это красавец, – проговорил Шемдаль. – Это просто трясина такая. Жижа. Я на неё заклятие наложил, затвердеть заставил, а она в ответ взбурлила. Красавцы там тоже есть, только мы их стороной обошли, а на эту дрянь выползли. Не думал я, что она такая тяжёлая. Считай, всё болото на руках поднять... Теперь оно не скоро успокоится. Как назад пойдём – не знаю, хоть обходную тропу ищи.

– Сперва надо туда дойти, – напомнил Семир. – Кто знает, сколько ещё идти придётся.

Квеста тоже волновал этот вопрос. Сказано – идти на закат, а сколько идти? Припасов у них с собой – на две недели, а воды всего на день. Что, если больше не попадётся родника? А уж съедобного на этой стороне за два дня ничего не встретилось. А ну как к неведомому месяцу дороги окажется? Околеют с голоду. Кабы знать, к чему готовиться, оно бы и ничего, а так тяжело... Хотя, ежели с другой стороны посмотреть, то, может, идти вовсе не две недели, а два дня. Вон они какие куски отмахали! Кто знает, вдруг, поднявшись на ближний увал, увидишь впереди цель – таинственное неведомое. И сразу придётся молча произносить желание. Вот только какое? Конечно, мужицкая просьба грузнее – мёда попросить или гречи... но и с художником так славно придумалось. Жалко, что Тур пропал, и Лида тоже жалко.

Олаи тем временем разогрел камень колдовской ниткой, а Шемдаль наворожил совсем тоненькую полоску охранных заклинаний – на большее сил не хватало. Поужинали всухомятку. Семир сказал, что теперь дежурить будут по двое, первую половину ночи – он с Юстином, вторую – Квест и Олаи. Никто не возражал, понимали, что магу надо набираться сил.

Засыпая, Квест размышлял, удачный сегодня выпал день или неудачный. Если считать, что Вислоух пропал вчера, то сегодняшней день не так и плох, а если сегодня, то – хуже некуда. Непонятно это было. Так Квест и уснул в недоумении.

Ночь прошла спокойно, а когда родной восток начал светлеть, Орен разбудил спящих. Собрались быстро, Шемдаль сказал, что сможет идти сам, и даже мешка своего никому не отдал.

Двинулись в путь. Конечно, за увалом ничего особого не оказалось – только заросли железных кустов, насквозь проржавевших, но всё равно колючих и рвущих одежду. С каждым шагом кусты смыкались гуще, тонкие ветки метили в глаза, растущие из-под земли шипы пробивали подошвы новых нестоптаных сапог. Потом среди непролазя обнаружилась тропа, неширокая, но показавшаяся удобней велийского тракта, однако Шемдаль не позволил идти по ней, и отряд продолжал ломиться сквозь ржавый частотал. Лишь к вечеру железное кладбище иссякло и путники вышли на чистое место, поросшее жухлой седой травой. Тут и остановились на ночлег.

Засыпая, Квест привычно раздумывал, хороший сегодня день или не очень. Никто за день не погиб, а это главное. Но прошли всего ничего – с гулькинос, и воды отыскать не сумели – во флягах плещется на самом доньшке. Если завтра день окажется столь же удачен, то о будущем можно и не загадывать. Под эти жизнерадостные мысли Квест и уснул, а проснулся от рёва, грохота и криков. На лагерь лезло что-то громадное и живое, горбом выпирающее на фоне звёздного неба. Квест метнулся в сторону, уходя с пути неведомца, и лишь потом заметил, что второпях забыл в лагере меч, ухватив лишь дорожную палку, которой весь предыдущий день обламывал хрупкие чугунные ветки.

Возвращаться было уже некуда, Квест саданул изрядно сточенным наконечником в тёмную громаду и с радостью почувствовал, что палка не отскочила и не провалилась в никуда, а глубоко вонзилась в плоть, как следует ранив врага. Чуть в стороне грохнул боевой клич Семира, которому вторили вопли Олаи. Голос Юстина звонко выкрикнул:

– Давай!

Полыхнуло пламя, едко запахло порохом.

Мельком Квест подумал, что и ему надо бы драться там, но раз уж довелось отскочить в эту сторону, будем бить незваного гостя отсюда. И Квест вновь всадил окованную палку в живой холм. Темнота перед глазами дёрнулась, но никак не попыталась защититься. Тогда Квест разбежался, с разгону взлетел на верхушку живого холма и принялся остервенело ударять палкой, словно долбил пешней лунку в зимнем озере. После пятого удара на сапоги Квесту хлынуло липкое, тело чужака вздыбилось, едва не сбросив отчаянного наездника, но Квест сумел удержаться, ухватившись за прочно засевший посох, а затем вновь принялся долбить темя противника и бил до тех пор, пока не понял, что терзает мертвеца.

Крики внизу смолкли, вспыхнул факел, голос Семира встревоженно спросил:

– Что с тобой? Ты ранен?.. – потом Юстин Баз негромко крикнул:

– Квест, ты где?

– Я тут, – ответил Квест.

Ноги его вдруг стали вялыми и непослушными, приходилось цепко держаться за палку, чтобы не упасть.

Юстин вздел факел повыше, увидав Квеста, попирающего ногами ночное чудовище, присвистнул:

– Эк тебя занесло, на самый купол. Как ты туда влез-то?

– Оно с той стороны голое, – ответил Квест, глядя вниз. Там, где стояли его товарищи, тело зверя топорщилось десятками конечностей, вздрагивающих, не желающих признавать своей смерти. Юстин коротким ударом обездвижил особо шуструю лапу, разбежавшись, одним махом взлетел на макушку зверю. Ухватился за вбитую в темя дубинку, покачал головой:

– Здорово ты его. А мы уж не чаяли остановить эту зверюгу.

Квест с шумом выдохнул воздух. Похвала мастерового, его крепкая рука вернули самообладание. Поднатужившись, Квест выдрал из раны палку и, не дожидаясь помощи, прыгнул вниз. Лишь там он увидел, что Семир и Олаи склонились над неподвижным Шемдалем.

– Жив? – тревожно спросил Квест.

Ему не ответили. Семир с силой растирал грудь мага, купец разжигал курильницу, полную пряной смолы. Терпкий дымок коснулся лица волшебника, тот закашлял и открыл глаза.

– Живой! – радостно прошептал Квест.

– Ты ранен? – тревожно спрашивал Семир. – Где болит?

Шемдаль медленно покачал головой.

– Нет, не ранен. Только от этого меня оттащи подальше, а то в нём ещё теплится что-то...

Семир, не переспрашивая, подхватил чернобородого волшебника на руки, отнёс к самой границе освещённого пятачка. Квест принялся помогать купцу и мастеру собирать и перетаскивать разбросанные вещи. Спустя пять минут лагерь передвинулся на полсотни шагов в сторону. Здесь таинственная хворь немного отпустила Шемдаля. Волшебник поднялся на локте, кивнул во тьму и проговорил:

– Ведь этот ползун за мной явился. Вас он и не заметил. Он до магической силы охоч. Учужал защитные заклинания или горячий камень – и пополз. Его колдовством бить – только пуще раззадоривать. Он ничего другого и не ест, только чужой магией питается. Мне теперь от этой встречи дня три в чувство приходиться, а то и четыре. А дотянись он до меня... – Шемдаль криво усмехнулся и не стал продолжать.

До самого утра никто не сомкнул глаз. Тревожно было от мысли, что защитные заклинания уничтожены без остатка и всякий недруг может подкрасться незамеченным. Когда

кругом развиднелось, быстро собрались и двинулись в путь. Ползучий холм обошли стороной, лишь Юстин сделал пару шагов в сторону замершей громады и пробормотал:

– Да уж, это всем чудикам чудик.

– А кто же ещё? – удивился Квест. – У нас таких не водится, значит – чудик.

– Давайте по его следу пройдем, – неожиданно предложил маг. – Зверь хоть и волшебный, но настоящий. Есть он ничего не ест, а пить ему надо. Значит, вода неподалёку должна быть. И магические ловушки на своём пути он, надо полагать, погромил, никакая пакость из-под земли не высунется.

Ободрённые странники споро зашагали по отчётливо видимому следу, и действительно – к полудню вражья тропа вывела их к глубокому оврагу, по дну которого струился непересыхающий ручеёк. Ворожить над водой у Шемдаля не оставалось сил, а кроме того, другой воды всё равно не было, и путники, прочавкав по вязкой глине, принялись наполнять давно опустевшие баклажки.

Размытые водой стены оврага вздымались на три человеческих роста, Квест мельком подумал, что в половодье здесь, должно быть, бурлит такой поток, что не приведи господи. Да и сейчас тут неудобно: засядет кто на верхотуре и запросто перестреляет всех пришедших за водой. Хорошо, что стрелять в этих краях некому – чудики народ бестолковый. Однако Семиру это место тоже не больно понравилось, потому что он вдруг поднял голову, прислушался и велел:

– Ну-ка, быстро все наверх!

Выполнить приказа никто не успел, почва на крутых склонах взбучилась, зашевелилась. На мгновение Квесту почудилось, будто снова из-под земли потянулась засевшая там нежить, и лишь потом он понял, что где-то в голове оврага прорвало нанесённую половодьем запруду и теперь на путников несётся вал мутной воды, грязи и камней.

Липкая глина проскальзывала под ногой, а потом жадно вцеплялась в подошву, не позволяя бежать, но Квест всё равно рвался к краю обрыва, не думая, насколько это бесполезно, и даже не удивляясь, что ещё жив. И лишь когда упал животом на серую траву, показавшуюся такой родной, то сумел заметить, что воздух вокруг светится мертвенной голубизной, словно Шемдаль засветил разом миллиард светляков. А оглянувшись, увидел на дне фигурку мага, стоящую с поднятым посохом, и понял, что свет идёт от этой обречённой фигуры. Сель остановился в двух шагах от колдуна, вода выгибалась стеной, терпеливо ожидая, когда человек ослабнет и упадёт.

Сильная рука рванула Квеста от края обрыва.

– Шемдаль! – проорал голос Семира. – Справа пологий склон, отходи туда! А как поднимешься хоть немного, пропускай воду низом!

Волшебник сделал неуверенный шаг, следом второй и вдруг опустился на землю. Страшный голубой свет погас, и оползень, лишившись противника, вольно забурился там, где только что стоял человек.

* * *

Волшебника искали до самого вечера. Спустились вниз до тех мест, где овраг превратился в пологую ложину, а грязевой поток иссяк, растеряв силы. Проверяли каждый намытый холмик, шарили в ямах и по руслу убитого ручья. Искали тело, а Квест молча надеялся, что Шемдаль всё-таки уцелел. Ведь он колдун, а колдуны живучие. Что ему какая-то взбесившаяся речушка... Если бы не ночной зверь, выпивший силу, то и вовсе ничего магу не сделалось бы...

Не нашли ни живого Шемдаля, ни мёртвого тела. В путаном завале снесённых лавиной кустов старательный Квест отыскал посох мага. Завал разобрали, но больше в нём ничего не было. А ведь всякому известно: живой волшебник посоха из рук не выпустит.

Четвёрка уцелевших странников собралась вокруг волшебного жезла. Сидели как на собственных похоронах. Все понимали, что без мага никуда они не дойдут. Ляжет на пути ещё одна бездонная трясина – и что тогда?

Когда стемнело, разожгли костёр. Теперь, когда их не охраняли причудливые заклинания, оставаться ночью в темноте было опаснее, нежели жечь огонь. Да и горячее надо есть хотя бы раз в день, а волшебная нитка пропала вместе со своим хозяином.

Сначала сидели молча, а потом, когда досыта напились кипятка, Квест спросил, ни к кому особенно не обращаясь, потому что этот вопрос был на устах у всех:

– И что мы теперь делать будем?

Помолчали, и наконец не Семир, а Юстин, самый молодой из всех, ответил:

– Дальше пойдём. Нам теперь возвращаться не с руки. Назад – точно не доберёмся, а вперёд... кто знает, может мы уже почти добрались. Обидно на полдороге дело бросать.

– Оттуда тоже придётся назад возвращаться, – вслух подумал Квест. – Никто нам обратной дороги не вымостит, даже если доберёмся к неведомому. Ведь для себя ничего просить нельзя.

– Я вот думаю, – ни с того ни с сего произнёс Юстин, – вот придём мы куда хотели, и что я там скажу такое, чтобы гибель товарищей окупить могло...

– Тебе для мастеровых просить нужно, – напомнил Квест. – Для всех разом. Налоги чтоб снизили или ещё чего.

– Налоги? – переспросил Баз. – Это хорошо. Только ведь на самом деле не это надо. Что такое налоги? – деньги и ничего больше. Вот ты, – кровельщик повернулся к купцу, – неужто за барышом в путь отправился?

Олаи усмехнулся непонятно, погладил волшебный посох, затем ответил:

– За барышом надо натоптанными тропами ходить. А к неведомому идут совсем за другими вещами.

«Опять промахнулся, – тревожно подумал Квест. – Небось и Лид хотел просить чего-то странного, что мне и не представить. И Вислоух сказал бы, что если за пчёлами как следует смотреть, тогда и будешь с мёдом. А неведомое ради таких мелочей тревожить не след. Вот только мне как быть? – Квест потёр лоб и остановился на простой мысли: – Буду просить, чтобы засухи не было. А то ведь если засуха, то старайся, не старайся, а ничего не вырастет. Это дело такое, от людей не зависит. Вот только узнать бы, это на много лет или как?»

– Завтра постараемся дойти к горам, – произнёс Семир, кивнув на зубчатую полосу, подрезавшую багровый закат.

Эти простые слова подвели итог странному разговору. Завтра ополовиненный отряд продолжит путь. Назад странники не повернут.

* * *

– Ты гляди, это же деревня!

Странники замерли на краю обрыва, глядя вниз, где отчётливо были видны домики под соломенными крышами и фигурки, издали вполне похожие на человеческие. Над крышами курились дымки, в стороне от деревни ползало по травянистому склону стадо. Сомнений не могло быть: в самом сердце Запретных земель, где, казалось, кроме нежити и нечисти, никого и встретить нельзя, стояла деревня и жили люди. Или, по меньшей мере, кто-то на людей похожий.

– Я бы поостерёгся туда спускаться, – тихо проговорил Семир.

Олаи вздохнул, а потом сказал:

– Воду можно найти только внизу. Спускаться всё равно надо.

Семир кивнул и первым двинулся вниз по тропе.

Вскоре серая трава сменилась зелёной, в воздухе загудели оводы и кровожадные слепни. Наконец среди кустов блеснула полоска ручья. Судя по тому, как истоптан берег, сюда аборигены пригоняли на водопой стадо, но стоило взглянуть на следы когтистых лап, отпечатавшиеся в непросохшей глине, и пропадала всякая охота знакомиться с хозяевами стада.

Путники поспешно набрали воды, потом Семир сказал:

– Обойдём долину поверху. Над обрывом должен быть проход. Больше всего мне не хотелось бы драться с людьми, умеющими жить здесь.

– Это не люди, – возразил Квест, – это чудики.

– С чего ты взял?

– А вон один на нас смотрит, – Квест указал на ближние кусты, где приметил сторожкую фигуру.

– Оружия не вынимать! – прошепел Олаи. Потом он шагнул к кустам и громко произнёс: – Здравствуй, друг.

Увидев, что его заметили, чудик вышел на открытое место. Был он невысок и серокож. Одежды на нём не было, а вот копьё в руках имелось. Серокожий без улыбки смотрел на Олаи и ничего не отвечал на приветствия, которые купец произносил, пробуя один чужездальный язык за другим.

– Не понимает, – наконец сдался Олаи. – А жаль. Нападать он вроде не собирается, а это значит, что можно и договориться. Я бы хотел хоть одну ночь провести по-человечески.

– Ночуйте, – неожиданно сказал серокожий и, не торопясь, пошёл по тропе вниз. Из кустов появилось ещё с полдюжины охотников с копьями и, уже не глядя на незваных гостей, двинулись к деревне. Оставалось только идти за ними следом.

На площади между домов, больше похожих на шалаши или охотничьи балаганчики, четверо странников остановились и стали ждать решения своей судьбы. Раз чудики не убили незнакомцев и даже позволили войти в свою деревню, значит, возможно, здесь удастся получить помощь или, по крайней мере, узнать дорогу. Неизвестность мучила всех, куда легче идти, зная, что тебе предстоит и какую часть пути ты уже одолел.

Ещё четверо серокожих вышли из самого большого шалаша, молча остановились напротив путников. Дряблая морщинистая кожа изобличала в них стариков.

– Мы бы хотели переночевать здесь, – произнёс Олаи, уже понявший, что гость должен говорить первым.

– Ночуйте, – вновь последовал односложный ответ.

Странники понимали, что здесь командует купец, и потому Семир, подчиняясь знаку Олаи, опустился на землю и принялся развязывать мешок. Олаи шагнул ближе к старейшинам, что-то тихо спросил.

– Нет, – произнёс один из хозяев.

– Но хотя бы рассказать вы можете? – мягко настаивал торговец.

– Нет.

Квест тоже развязал мешок, достал чёрствую лепёшку и кусок окаменевшего сыра, протянул Семиру, чтобы тот поделил ужин на четверых. К разговору Орена с чудиками Квест больше не прислушивался. Ведь ясно, что помогать им серокожие не станут. Это они с виду люди, а так – чудики. Хорошо хоть, что безвредные. Хотя Шемдаль говорил, что безвредных чудиков не бывает.

Вернулся Олаи, кивнул на скудный провиант, сказал:

– Спрячь покуда. Нас обещали покормить.

Квест без возражений спрятал лепёшку и сыр. Это хорошо, если их покормят, а то запасов осталось всего ничего. Вот только можно ли тутошние харчи есть?

Через несколько минут им вынесли каменную миску с незнакомой рассыпчатой кашей и стопку блинов. Блины были синие, но пахло от них рапсовым маслом и горохом. Каждому досталось по два блина и по горстке каши. Хотелось бы ещё, но уж сколько дали. Серокожие телом мелки, вот и меряют по своей утробе.

– А с собой не дадут? – спросил Квест, облизывая пальцы.

– Не дают, – отозвался Олаи. – И продавать не хотят, и менять. Я хотел проводника нанять, так они ни в какую. Даже не рассказывают, что нас дальше ждёт. И в дома к себе не пускают. Вот тут на площади переночевать разрешили, но только одну ночь. Говорят, тут безопасно, даже золотая пыль не достанет... – Олаи усмехнулся. – Вот, теперь будем знать, что впереди какая-то золотая пыль притаилась. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Ладно, – сказал Семир. – Пустили переночевать – и то дело. Сегодня спим без охраны, пусть хозяева видят, что мы им доверяем. – Семир помолчал и добавил: – Если б они хотели нас задавить, так уже давно задавили бы.

Ночь прошла без каких-либо приключений, а утром путешественники ушли, провожаемые внимательными взглядами молчаливых жителей. Впереди лежали горы, а за ними или в самих горах – то неведомое, ради которого половина отряда уже сложила головы. Горы поднимались крутыми уступами, и к полудню путники сумели одолеть первый. С высоты была прекрасна видна вся холмистая долина, по которой они пробирались два дня. Деревня серокожих также была как на ладони: над домами нависало тяжёлое жёлтое облако, беспокойно клубилось, вздувалось смерчами, опасно поблёскивало зарницами. Потом что-то полыхнуло с чуть слышным треском, огонь заставил зажмуриться даже привыкшие к полуденному солнцу глаза. Вспышки следовали одна за другой, но приземистые хибарки стояли, словно их прикрывал невидимый зонт.

– Я раньше всё думал, что это за рекой пыхает по ночам, будто салют пускают, – сказал Квест, – а это, оказывается, золотая пыль шумит.

– Если это и есть золотая пыль, – проговорил Юстин Баз, – то нам лучше поскорей уносить ноги.

Не сговариваясь, странники прибавили шаг. Часа через два они отыскивали ущелье, рассекавшее хребет. Ущелье было завалено камнями, кое-где торчали железные кусты, мёртвые, давно проржавевшие, мелкая речка с трудом пробиралась меж валунов. Сперва ущелье не понравилось Квесту, но края расщелины были не слишком круты, в любую минуту можно было уйти из низины, и Квест ненадолго успокоился. Ненадолго, потому что через час их нагнала золотая пыль.

Мутная мгла встала позади, за клубилась, тихо потрескивая. Воздух пропитался злым едким запахом, словно в кожаной мастерской, где в дубильных чанах кипит зелёная кислота. Потом жёлтая тьма встала стеной и покатила вверх по ущелью.

Путники уже не шли, а бежали изо всех сил, но летучее золото надвигалось, не замечая людских усилий. Ещё минута, и... вряд ли кому удастся выжить, оказавшись внутри.

Юркий Орен Олиа, бежавший впереди всех, резко остановился, скинул мешок, толкнул его ногой набегавшему Квесту:

– Возьми!

Квест, понимая, что сейчас не время спорить, схватил мешок свободной рукой и лишь затем крикнул:

– Ты же не сумеешь!

– Сумею!.. – зло пропел купец, вздымая двумя руками посох мага, который тащил всё это время. – Только вы мотайте от греха подальше, а то мало ли что...

Стена пыли и огня лезла вверх. Она казалась живой, разгневанной тем, что из деревни ей пришлось уйти ни с чем, и теперь она стремилась наверстать своё. Мельком Квест подумал, что не надо было идти по низине, но потом сообразил, что облако столь огромно, что ползёт не разбирая ни провалов, ни крутизны, и на обрыве, где можно лишь с трудом ползти, оно уже давно настигло бы беглецов.

Сзади жутко затрещало, мир осветился голубым светом, и бегущий Квест понял, что Олаи сумел-таки управиться с волшебным посохом и теперь одно колдовство пожирает другое. Внизу уже не трещало, а выло, земля сотрясалась в корчах, чуть в стороне по склону неслышно прошёл камнепад, а голубое волшебное пламя всё сияло, и вой сменился свистом, и всё завершилось такой вспышкой, что если бы Квест поглядывал за спину хотя бы вполглаза, то, несомненно, ослеп бы в ту же секунду. К счастью, назад никто не смотрел, люди обернулись, лишь когда обожжённый взор начал с трудом различать тусклый солнечный свет.

Внизу что-то горело, клубился дым, и следа не было опасного золотого облака.

– Ну даёт, купец! – восхищённо воскликнул Квест. – Да он колдует почище Шемдаля, покойника!

Его никто не поддержал. Семир и Юстин молча смотрели в черноту оплавленного ущелья.

– Он что? – непонимающе спросил Квест. – Он там что?.. У него же посох, волшебный...

– Вот именно, – тихо произнёс Семир. – Оживить посох умеют многие, а вот управлять им, чтобы он тебя не сжёг, это может только маг.

Семир наклонился, поднял котомку купца, выпавшую у Квеста из рук, и, ничего больше не говоря, двинулся в сторону перевала. Квест и Юстин пошли за ним следом, и больше до самого вечера они не говорили о случившемся, словно терять товарищей стало для них обыденным делом.

Они переночевали, сидя на каменном карнизе в десяти шагах от пропасти, в которой до утра ворочалось что-то безвидное. Квест хотел запустить в чудика камнем, но Семир не велел, и ночь они провели под аккомпанемент глухой возни и медленных вздохов, доносящихся снизу. Утром трое выживших странников преодолели перевал, и там тоже все было спокойно, если не считать летающих ящериц, кидавшихся на людей с верхушки утёса. Семир подшиб первого хищника в воздухе и добил мечом, а потом уже Юстин сбивал из пращи медленно летящих зверюг, а Квест с Семиром били тех, кто падал поблизости. Ящеры шипели и плевались липкой слюной, а Квест подумал, что глупые драконы, должно быть, тоже не живые, иначе зачем им сидеть тут на ледяных вершинах, где нечего есть и нечем заняться, разве что караулить странников, зачем-то бредущих к неведомому.

За день Семир, Юстин и Квест спустились так низко, что им стали попадаться кусты и можно было, наломав веток, разжечь костёр. Путники допоздна сидели вокруг огня, молчали. Квесту казалось, что все думают ту же противную мысль, что с самого утра мучила Квеста: а что, если они вообще никуда не дойдут, а так и сгинут на пути к неведомому? Ведь возвращаются из Запретных земель единицы, так почему именно им должно повезти больше других? Ещё два дня назад Квест полагал, что вот перевалят они через хребет, а там и пути конец. Однако перевал позади, незнакомого кругом – сколько угодно, а неведомого – не видать. И чтобы отогнать гадкую мысль, Квест спросил:

– А как же мы втроём будем загадывать желания за семерых?

– Не знаю, – ответил Юстин Баз. – Я вообще не знаю, чего у этого неведомого нужно требовать. Чтобы в городском собрании цеховой голос громче звучал? Это надо не чуда ждать, а как следует добиваться. Умом, силой, деньгами...

– Правильно, – произнёс Семир и добавил неожиданно: – Я тоже ничего не стану просить.

– Как это? – изумился Квест. – А морские бароны как же? Горцы, опять же, покою не дают.

– С врагами, – раздельно произнёс Семир, – человек должен справляться сам. И все свои дела исполнять должен сам. А то сначала неведомое Тепель для нас штурмовать будет, потом горные кланы придавит, а мы тем временем жиром покроемся и мхом порастём.

– Зачем же ты пошёл? – прошептал Квест.

– Затем и пошёл, чтобы душа не замшела.

– Не понимаю, – признался Квест. – Я вон столько всего придумал. Засухи чтобы не было... Это же от человека не зависит. А то ещё мор начнётся, думаете, сладко будет?

– Мор это всех касается, – поправил Юстин. – Такое нельзя загадывать.

– Тогда на скотину падёж, – не сдавался Квест. – Да мало ли что ещё можно придумать, чтобы не для всех, а в то же время всем лучше стало...

– Счастливый ты, – вздохнул Семир. – Тебе просто. Потому, должно, тебя и смерть не берёт. Когда Шемдаль меня в поход звать стал, я ему сказал, что думаю о таких просьбах, а он ответил, что тоже не знает, что просить. А всё-таки пошёл с нами и погиб, не отступив.

– А Вислоух? Этот бы с места не двинулся, если бы не знал зачем.

– Да, Вислоух-то знал... – протянул Юстин Баз, и, вскинувшись, предположил: – А вдруг он и не пропал вовсе, а на самом деле отыскивал неведомое? А мы не знали, чего просить, и потому прошли мимо?

Квеста аж ожгло этими словами. Он-то уже начал мечтать, что неведомое ожидает их в долине, недаром эта сторона, если смотреть с высоты, не серая с жёлтым, а как бы слегка голубоватая. А теперь оказывается, что всё зря, обмануло предание, они прошли мимо цели, не заметив, и только хитрый Тур Вислоух сумел ухватить удачу за хвост.

– Нет, – возразил Семир. – Ещё никто из дошедших не возвращался раньше чем через три недели. Так что нам ещё идти и идти.

И опять никто не предложил сдаться и повернуть к дому.

* * *

Так они и шли ещё полтора дня, стараясь спрятаться и отсидеться, ежели была такая возможность, и хватаясь за оружие, когда другого выхода не оставалось. Шли, понимая, что теперь у них нет никакой магической защиты, а значит, живы они только благодаря случайной случайности. Полтора дня счастливая случайность берегла их.

А потом путь им загородили давно знакомые железные кусты. Только на этот раз они были не ржавыми, а мрачно лоснились чёрным металлом и щедро разбрасывали кругом мелкие стальные семена. Квест, сунувшийся было вперёд, немедленно пострадал: крошечная металлическая стрелка просадила ему щёку. Семир смазал рану пахучей мазью и сказал, что Квест ещё легко отделался: попади такая штука в грудь, то и грудь пробила бы навывлет.

Несколько часов они искали проход в смертоносной чащобе и к вечеру убедились, что прохода нет. Долина казалась с высоты голубой из-за сплошных зарослей. Лишь в одном месте, где горы позабыли несколько одиноких скал, полоса стреляющих кустов сужалась до полусотни шагов. Тут и решено было прорываться.

Прежде всего Семир, потратив несколько метательных дисков из своего арсенала, установил, что потревоженный куст выпускает в воздух целую тучу колючек, а потом не может убивать по меньшей мере минуту. Этого времени должно было хватить, чтобы преодолеть опасное место. Оставалось лишь придумать, как растревожить все кусты разом.

Семир и Юстин что-то обсуждали, Юстин горячился и размахивал руками, Семир говорил медленно и лишь иногда указывал кровельщику что-то ускользнувшее от его взгляда. Квест тоже рассматривал дорогу, прикидывая, куда бы он пошёл, если бы не эти кусты. Пожалуй, мимо этого склона, там, в глубине расщелины, что-то светлеет. Первый раз он видит здесь не серое, не блёклое и грязное, а совсем светлое, как снег. Может быть, это очередная ловушка или чудик, но очень не хочется в это верить. Боль в щеке отступила, лишь кровь настойчиво тукала в ране.

Спутники всё никак не могли договориться, и Квест снова начал думать. Трудное это занятие, но тому, кто думает всю жизнь, оно в привычку. Правда, раньше Квест думал о простых и понятных вещах, а с тех пор, как стал странником, ему приходится решать такие вопросы, что и мудрец не вдруг ответит.

Семир и Юстин Баз не знают, что загадать! Это что же выходит? Ему одному придётся желать за всех? Значит, надо просить что-то небывалое, что сразу окупит мученическую кончину Лида Алвиса, таинственную смерть Тура Вислоуха, гибель чернородого Шемдаля и отчаянное самопожертвование Орена Олаи. И оправдает надежды всех, кто знает: семеро странников ушли в Запретные земли и, значит, надо ждать счастливых перемен.

– Смотри, – позвал Семир, – вон та расщелина, где белеет что-то. Мы сейчас уходим вперёд, а тебя оставляем с вещами. Когда я махну рукой, ты бежишь напрямик туда. Всё наше снаряжение будет у тебя, так что постарайся добежать. А мы с Юстином постараемся кусты попортить. Понял? Когда я махну рукой – вскакиваешь и бежишь вон туда. Только быстро. Задержишься или раньше выскочишь – пропадёшь.

– Я понял, – сказал Квест.

Семир и Юстин, пригнувшись, побежали в разные стороны, словно хотели обойти расщелину с боков. Хотя попытка эта с первой минуты была обречена на неуспех. Там, куда направился мастер, склон был столь крут, что даже железные кусты не могли там укорениться. Со стороны Семира дорога казалась пологой, но зато там сплошной непроходимой стеной чернели готовые к бою заросли. Семир подполз сколь мог близко, укрылся за угловатым неокатанным обломком, вслепую швырнул оттуда несколько обломков, не то просто для очистки совести, не то приучая руку к серьёзному делу. Юстин тем временем споро пополз по обрыву, цепляясь за невидимые снизу выступы и выбоинки в камне. Казалось, мастерской просто прилип к гладкому камню и ползёт словно муха или улитка.

«Конечно, – вспомнил Квест, – ведь Юстин кровельщик. Он умеет». Но неужто Семир, когда выбирал мастера, знал, что в дороге понадобится верхолаз. Ведь он, глядишь, этак и на ту сторону перелезет. Лишь бы там, за выступом, не оказалось железных кустов, чтоб их там всех ржа съела, чтоб там ручей оказался или обрыв ещё круче, где только по верёвке сползёшь...»

Юстин Баз выполз на уступ. Он что-то делал там, вжавшись в камень, не поднимая головы, а потом вниз, в самую гущу лоснящихся металлических стволов, полетел дымящийся свёрток, за ним второй и третий. Ахнули взрывы, хрупкие ветки разметало во все стороны, шипы-семена взвились в небо сплошным облаком. Дальнейшее происходило как в недобром сне. Скала, только что незыблемо вздымавшаяся к хмурому небу, качнулась и медленно, как подрубленное дерево, завалилась набок. Беззащитной фигурки человека не было видно за дымом, пылью и чёрной тучей распарывающих воздух шипов.

– Юстин! – крикнул Квест.

Где-то по левую руку поднялся скрытый валуном Семир. Ещё три пакета полетели в расщелину, пробивая путь простаку Квесту. Семир взмахнул рукой, не то подавая сигнал Квесту, не то собираясь прыгать вниз, этого Квест понять не успел, потому что из-под лопнувшей земли полезли шестипалые руки, сгребли Семира, захлопотали, превращая живого человека в кусок истерзанной плоти.

Квест приподнялся на колени.

«Один! – мелькнула растерянная мысль. – Один остался. Даже если там в глубине светлеет неведомое – зачем оно, если дошёл я один? Что можно потребовать, о чём потом не придётся жалеть?»

Грохнул запоздалый взрыв, разнёсший в мелкий щебень залитые кровью подземные руки.

И в эту совершенно неподходящую минуту Квест разрешил мучившую его загадку.

«Как всё просто! – радостно подумал он. – Я пожелаю, чтобы следующий отряд дошёл к цели, все семь человек. Пусть даже никто не узнает, что это произошло из-за меня».

Потом он вскочил и неловко побежал к расщелине, которую указывал Семир. Обогнул выступ, мешавший видеть. Там, не скрытые больше рухнувшей скалой, громоздились железные кривулины. Их оставалось немного, но вполне достаточно для открыто бегущего человека. Кусты разом дёрнулись, выбрасывая в воздух шипы. Десятки игл пронзили тело, но ещё целое мгновение Квесту казалось, что он спешит к неведомому, которое ждёт его.

Мёд жизни

Хоть не пил он, а только хотел.
Л.Кэрролл

Мёд жизни сладок и горек одновременно, в нём собраны ароматы всех цветов, морозный свет горных вершин и тьма морских провалов. Он холоден и горяч, в нём сошлись все противоположности...

Гоэн – седобородый рыцарь Опавшего Листа обвёл взглядом слушателей. Никто не шевелился, все молча и торжественно внимали с детства знакомым словам. Слова были как песня, как причащение перед битвой.

– Бархатные шмели собирают сладкий оброк с садов и гречишных полей Резума. Лесные пчёлы гудят в чашах непроходимого Думора. Хищные осы копят росистую свежесть ковылей Нагеи, острую и летучую, как они сами, – при этих словах Зеннах – Свистящий рыцарь молча сверкнул чёрным глазом и приподнял бровь, изогнутую, как сабля. – Ледяные шершни выюгой облетают торосы безжизненного Норда в поисках снежного цветка. Мириады их истаивают в пути, но последний приносит каплю ледяного нектара. Так рождается мёд жизни. Медленно созревает он, и никто не осмеливается приблизиться, боясь нарушить великое чародейство...

– Фартор! – слово это, не сказанное никем, прозвучало резко и грубо, прервав рассказчика. Оно словно пригнуло к земле засохшие деревья, песок перестал сыпаться с выщербленных скал, а сидящие рыцари сдвинулись теснее, ища друг в друге поддержки. Тяжеловесный Хум – рыцарь Соли прижался доспехом из задубевшей кожи к сверкающему плечу Турона, и рыцарь Ледяного Меча не заметил прикосновения своего извечного противника. Зентар – юный рыцарь Первой Травы тревожно оглянулся, но спесивый Бург – рыцарь Стен сдержал насмешку и сделал вид, что ничего не заметил. Недвижим и безучастен остался лишь рыцарь Солнечного Луча. Этот витязь был окружён глубокой тайной: никто не ведал, откуда он пришёл, где живет, по праву ли носит свой девиз. Знали лишь его имя – Виктан. Рыцарь Солнечного Луча являлся и исчезал беспричинно, ни один человек не мог предугадать его поступков, не знал пределов его силы. Но то, что сегодня и он был здесь, внушало уверенность. И медлительный Гоэн продолжил рассказ, словно не принесло только что ветром имя врага.

– Мёд жизни содержит все качества, известные и неведомые. Свойства соединяются в нём, не гася друг друга. И произойти это может лишь в местности, лишённой качеств. Только отсюда мёд жизни не получает ни единой своей частицы. Это Блёклый Край, инертный и пустой. Он скучен, но всё же жизнь зависит от него, поскольку здесь стоит чаша, в которой зреет наш мёд. Раз в год, в день весеннего равноденствия, чаша переполняется и мёд проливается на землю. Суть жизни возвращается миру. Небо наливается синевой, леса наполняются живностью, люди – силой. Дружба укрепляется радостью, вражда – благородством. Жизнь оплодотворяет саму себя, и лишь Блёклый Край ничего не получает от праздника бытия. Здесь всегда пасмурно, но никогда не идёт дождь. Бесплодная равнина тянется на много недель пути, на ней не растёт трава и никто не живёт...

– Фар-р-ртор-р!.. – продребезжало среди камней.

– ...и никто не живёт, – упрямо повторил сказитель, – ибо даже единый испачканный взгляд может извратить чудесные свойства чистого мёда. Рассказывают, что испробовавший мёда постигает смысл бытия и видит суть вещей. Тайное становится открытым для него, а в простом он видит неведомые другим бездны. Но за все прошедшие века ни один мудрец не посягнул на общее сокровище.

– Ф-ф-фартор!.. – прошипело за спиной, словно плеснули водой на раскалённую жаровню.

– Единая капля, текущая на землю из каменной чаши, возвращает силу и здоровье немощному и может, как говорят, оживить мёртвого. И всё же созревший мёд свободно разливается по свету, поскольку ни один человек не осмелился продлить свои дни за счёт всеобщей жизни.

– Фар-тор!!! – набатом ударило отовсюду разом, так что нельзя было не обратить внимания на этот гром, остаться безучастным и сделать вид, будто ничего не происходит.

Гоэн вскочил, меч его, не кованый, а выращенный лесными харраками, прочертил над головами огненный круг.

– Ты можешь не трудиться, повторяя без конца своё имя! – крикнул Гоэн. – Я хорошо слышу. Я не знаю, кто ты и каков из себя, но клянусь, что кем бы ты ни был, через день тебя здесь не будет. Мне даже жаль тебя – ты затеял бессмысленное дело и сам знаешь это. Неужели ты надеешься победить все силы вселенной разом? – Гоэн опустил меч. – Молчишь? Ты правильно сделал, что умолк. У тебя ещё есть время до завтрашнего утра. Но берегись, если утром мы увидим, что путь к чаше закрыт.

Ответа не было. Старый воин оглядел сереющие окрестности, а затем на правах старшего распорядился:

– Рыцари леса разводят костёр, горожане готовят ужин. Остальные выделяют добровольцев – быть ночной стражей.

В словах Гоэна не было обиды или унижения. Все знали, что в Блёклом Краю не у всякого загорится огонь и уж тем более не просто накормить воинов там, где пища лишена вкуса. Поэтому гордый Бург распустил ремни на мешке и начал доставать провизию, а сам Гоэн и рыцарь Шш, бывший не человеком даже, а покрытым замшелой корой лесным духом, отправились за валежником.

– Кто согласен караулить ночью? – спросил Хум. – Я думаю – достаточно троих.

Тотчас поднял руку Зентар. Юный рыцарь Травы не представлял, как можно улечься спать накануне первой в своей жизни битвы. Вторым стал Бестолайн – рыцарь Бездны. Лучшего сторожа нельзя было и пожелать. Жизнь под землёй лишила Бестолайна глаз, но обострила слух, так что в самые тёмные ночи рыцарь Бездны чувствовал себя уверенней всего. Об этом воине легенд ходило, пожалуй, ещё больше, чем о Виктане, а знали о нём ещё меньше. Нельзя было даже с уверенностью сказать – человек скрывается под чёрным панцирем или одно из мрачных подземных существ, принявшее людские законы и получившее имя рыцаря. Но сегодня его тайна не тревожила – главное, что он был вместе со всеми. Третьим караульщиком вызвался Виктан.

В Блёклом Краю не бывает закатов, просто привычный сумрак сгустился сильнее и стала ночь. Огонь костра не рассеивал её, не помогал видеть. Те из рыцарей, кто мог и хотел есть, придвинулись к котлу. Двое рыцарей, опрометчиво давшие обет поститься до самой победы, отвернулись, чтобы не смущать себя видом яств, поскольку припасы Бурга были вкусны даже здесь. Шш задумчиво ковырял сучком в зубах. Людская пища была ему не по вкусу, и вообще он мог не есть месяцами. Недвижим остался и Бестолайн. Забрало его шлема, сплошного, без прорезей для глаз, никогда не поднималось и, кажется, было приварено к нащечникам. Зато Виктан вовсе снял шлем, так что все могли рассмотреть его, хотя и не принято было глазеть на рыцарей. Не было во внешности неведомого воина ничего сверхъестественного. Был он далеко не мальчишкой, но и старческая дряхлость ещё много лет обещала обходить его стороной. Твёрдый подбородок, прямой взгляд серых глаз, худое лицо, словно выточенное из плотного дерева, лишь возле глаз чуть заметно лучатся морщинки, видно, в юности Солнечный рыцарь любил смеяться. Проседь, осветлившая тём-

ные волосы, говорит не о возрасте, а о пережитых бедах. Ел он немного и молча, как и все остальные воины.

Вскоре лагерь замер в ожидании тусклого утра. Рыцари умели засыпать быстро и безбоязненно, полагаясь на бдительность часовых.

Виктан сидел у костра, напротив смутно вырисовывалась фигура Зентара. Бестолайн расположился в стороне, его видно не было.

Как всегда, в ночи рыцаря Солнечного Луча одолевали мучительные мысли. Днём, особенно при ясном небе, мир был прост и понятен. Было зло, которое следует побеждать, и добро, ждущее помощи. Ночью всё сливалось в темноте, словно истекая одно из другого, границы пропадали и пропадала уверенность. В темноте Виктана мучили видения – нелепые и невозможные: мелкий дождь, множество людей и бесконечные разговоры ни о чем. Ничего подобного не бывало в жизни благородного Виктана, но всё же он не мог бы утверждать, что это было не с ним. Молва приписывала рыцарю Солнечного Луча способность неожиданно исчезать и появляться, а порой он застывал и часами стоял как во сне, безвольно опустив руки. И не то беда, что другие не знали, куда временами пропадает Виктан, но этого не знал и сам рыцарь. Хотя он привык, что во всякую минуту может осознать себя в незнакомом месте, где от него потребуются его мощь, мужество и разум. Так что не это тревожило его. Пугало собственное беспамятство.

– Фартор, – беззвучно шептал он, – Фартор...

Неведомый владыка Блёклого Края, осмелившийся посягнуть на общее богатство, и тот серый мир, что мерещился Виктану после пробуждения, – что между ними общего? Неизвестно. Но ведь они могут и просто совпадать, и тогда...

«Кому служишь, рыцарь? – подумал Виктан. – Кто ты? Почему-то никто не спросил меня об этом. Кто ты, рыцарь Солнечного Луча? Откуда тьма в твоей памяти?»

Виктан бросил на угли сразу несколько тонких веток. Медленно поднялось ленивое пламя, в его языках безмолвно вспыхивал и сгорал носящийся в воздухе сор – не то клочья почерневшей паутины, не то просто пыль, причудливо увеличенная слабым светом.

«Откуда столько пыли? – подумал Виктан. – Здесь её не должно быть».

Неудержимая сонливость наваливалась на него, Виктан чувствовал, что ещё минута – и он уснёт, хотя поставлен на страже и товарищи доверились ему. Впервые с ним происходило такое – он всегда был безупречным караульщиком. Но, в конце концов, что может случиться в Блёклом Краю, где нет никаких качеств, а значит, и силы? К тому же рядом Бестолайн, привыкший к тьме, тишине и бессонным ночам. С ним можно быть спокойным, вот и Зентар, их третий напарник, уснул, повалившись на изумрудный плащ. Правда, Бестолайн слеп, но в мире нет никого, кто мог бы подойти так тихо, чтобы рыцарь Бездны не услышал. Значит, можно заснуть... на несколько минут, не больше.

Глаза закрывались сами собой.

«Кому служишь, рыцарь?» – засыпая, вспомнил Виктан и, пересиливая себя, протянул руку, кинул в костер ветки, сколько сумел захватить.

Закружились, исчезая в огне, чёрные хлопья. Внезапно вспыхнувшим сознанием Виктан увидел опасность, но уже не было сил подняться.

«Тревога!» – хотел крикнуть он, но лицо облепило паутиной, губы не размыкались, и лишь чуть слышный шёпот протиснулся сквозь них. Но и этого комариного звука оказалось достаточно для Бестолайна. Стальная булава взлетела и набатно ударила по кованому щиту.

Тревога!!!

Грохот вернул Виктану силы. Он наклонился и, не раздумывая, нырнул лицом в угли. Лицо опалила боль, но зато вернулась способность видеть и говорить. Виктан вскинул вверх руку с кольцом. В кольцо был вделан солнечный камень гелиофор. Камень засиял, разгоняя

тьму. Света хватило ненадолго, по ночам камень светил с трудом, но этого достало, чтобы увидеть и понять, что происходит.

Воздух вокруг был переполнен чёрным пухом, тончайшие волокна опускались на людей, проползали в щели доспехов, утолщаясь, пульсировали, наливаясь красным. Разбуженные рыцари вскакивали, размахивали руками, пытались отодрать прильнувших кровопийц.

– Огнём! – закричал Виктан, подпаливая разом связку факелов. – Они боятся огня!

Через минуту нападение было отбито. Не успевшие улететь клочья паутины были сожжены, воздух очистился. Виктан оглядел соратников. Все остались живы, но бледные лица, погасшие глаза показывали, как много крови они потеряли. Неважными бойцами будут они утром.

Незаметно высветлилось небо. Никто из рыцарей не удивился, увидев, что впереди по-прежнему мерно колышется завеса. Фартор, закрывший подход к чаше, не собирался отступать. Странно было бы ожидать отступления после столь удачной вылазки. Но сейчас вокруг лагеря было пусто и тихо, так что, если бы не пелена вдалеке, трудно было бы сказать, где противник и есть ли он вообще. Пелена окружала чашу с мёдом, и уже сейчас, хотя мёд не созрел, по всей стране чувствовалось беспокойство. Рыцари шли, чтобы сорвать пелену, хотя и не знали, что это такое и какие опасности встретят их возле дрожащего полога. Одна опасность, впрочем, уже была известна.

Воины выстроились полукругом, в левой руке каждый держал незажжённый факел.

– Пора, – сказал Гоэн. – Мы разные и из разных краёв, но у нас одна родина – великий Тургор. Сегодня пришел час защищать его. Да поможет нам Светлая Богиня. Мы идём! – крикнул он и первым двинулся вперёд.

Затрещали факелы, цепь воинов пришла в движение. Преграда оставалась безмолвной.

Виктан шагал в общем строю. Справа от него держался Зеннах, слева – молчаливый Безымянный рыцарь. Вблизи завеса оказалась стеной густого тумана. Туман пригасил и без того тусклый свет, вокруг головы закружились чёрные нити. Виктан отмахнулся факелом, кровососы послушно обращались в пепел, но на смену им налетали новые. Отовсюду, пластаясь по камням, начали сбегаться полупрозрачные, почти неразличимые твари. Длинные конечности скребли клешнями по стальным поножам, безуспешно пытались добраться до живого. Несколько тварей Виктан рассёк мечом, потом, опасаясь испортить клинок о камни, принялся прокладывать себе путь, топча ползающую мерзость ногами. Он не видел достойного противника, но понимал, что происходит неладное: непроницаемый туман разъединил рыцарей, и каждый из них сражался теперь в одиночку.

– Тургор!.. – выкрикнул Виктан рыцарский клич.

В ответ донёсся режущий слух свист, и Виктан увидел Зеннаха. Свистящий рыцарь шёл, не замедляя шага, одной рукой держа факел, другой бешено вращая семихвостую плётку. Оторванные суставчатые ноги, раздробленные клешни, комья слизи разлетались во все стороны.

– Держись ближе! – крикнул Виктан. – Они разводят нас!

– Кто? – удивился степняк, продолжая описывать плетью круги. – Мне не с кем воевать, это джигитовка, а не бой!

– Не знаю кто, но они хотят, чтобы мы потеряли друг друга! Берегись!..

Из груди членистоногих вдруг вылетели длинные упругие жгуты. Они разворачивались в воздухе, готовые спеленать каждого, до кого сумеют дотянуться. Виктан встретил щупальца ударами меча, обрубки, извиваясь, падали на землю, лишь одно сумело захлестнуть ногу и дёрнуть. Виктан упал, тут же его со всех сторон облепила чёрная пряжа. Обрубив жгут, Виктан перекатился в сторону и сумел встать. Там, где только что был Зеннах, колыхался чёрный сугроб. Свистящий рыцарь не успел выхватить саблю, а плеть оказалась

бессильна против живых верёвок. Факелы погасли, но всё же Виктан на ощупь отыскал скрученного Зеннаха и перерезал скользкие путы. Зеннах вскочил, не обращая внимания на присосавшийся к коже пух, засвистел, зовя на помощь. И хотя окружающий воздух убивал всякий звук, призыв был услышан. Слепой Бестолайн появился из тумана. Секира в его руках гудела, скашивая тянущиеся челюсти и летящие навстречу верёвки, факел, укрепленный на шлеме, разбрасывал искры.

Вновь вспыхнуло в руках пламя, и трое бойцов пошли, разбрасывая суеящихся тварей, пошли наугад, потому что уже давно потеряли направление и не знали, куда идут. Но, должно быть, удача не покинула их, потому что туман резко поредел и они оказались на открытом пространстве по ту сторону завесы.

Каменистый склон полого поднимался перед ними, и на каждом валуне, на всякой свободной пяди земли, согнувшись стояли уродливые фигуры. Лес копий вздымался над костяными шлемами, ни один наконечник не дрожал, ни единая фигура не двигалась, и ни звука не долетало от шеренги противника.

– Тю-ю!.. – протянул Зеннах. – Вот уж кого не ожидал увидеть! Стреги! Признаться, я не думал, что кому-то из них удалось уйти из Нагеи живым.

Виктан промолчал, хотя и он многое мог бы рассказать об этих существах, умеющих лишь убивать всех, до кого дотянутся их копы. У стрегов не было жён и детей. Стреги нигде не жили, хотя встречались повсюду. Кажется, их полчища просто возникали там, где в них нуждалась злая воля. Недаром говорится: где беда, там и стрег. Бестолайну приходилось сражаться с костоголовыми даже в нижних пещерах. И всё же это был знакомый враг, не пугающий героев.

Виктан поднял забрало и затрубил в рог, созывая товарищей. Зеннах вторил ему адским свистом. На призыв из тумана появилась ещё одна группа: братья-соперники Хум и Турон, Безымянный рыцарь и Алый рыцарь Лесс в плаще, побуревшем от крови. Последним появился прорвавшийся в одиночку Шш. Рыцарь Леса бежал, размахивая чудовищной дубиной, завывая по-звериному, словно не принимал он никогда смешных человеческих правил. Обрывки разорванных жгутов волочились за ним. Остальные воины остались в гибельной мгле либо не сумели прорваться и были отброшены к старому лагерю.

Оказавшись на открытом месте, Шш не остановился, не замедлил бега, а, вращая дубиной, ринулся в сторону стрегов. Стреги – неумолимые и бессмысленные древорубы – были особо ненавистны лесному духу. По рядам прошло движение, над головами взметнулись луки, и тысячи стрел прочертили воздух. Они впивались в дубовый панцирь, Шш во мгновение ока стал похож на невообразимо огромного ежа, но бега не остановил и с хрустом врезался в отшатнувшуюся толпу.

– Вперёд! – скомандовал Виктан товарищам и побежал следом за разбушевавшимся лесным витязем.

Их встретили стрелы и нацеленные копы, но небольшой отряд сумел врубиться во вражеские ряды. Стреги с визгом насакивали со всех сторон, кольчужные рубахи и круглые щиты плохо защищали их, но всё же их было слишком много, а всякому известно, что когда стреги собираются в орду, у них исчезает страх смерти и последние остатки разума. К тому же отступать стрегам было некуда – за их спинами поднималась мрачная стена – высокая, гладкая, лишённая ворот и без единой бойницы.

Шш уже пробился к стене и, не обращая внимания на тычки ножей и копий, мощно обрушивал дубину на гудящую от ударов стену. Виктан вёл отряд ему на помощь. Очистить площадку от стрегов, затем Шш и Бестолайн пробьют стену, а за ней должна быть скала и чаша на скале... Там они встанут и если надо, то умрут, но никому не позволят приблизиться до тех пор, пока мёд не растечётся по земле.

– Тургор! – выкрикнул Виктан, но вдруг остановился. Его руки опустились, лицо застыло. Раскатистый треск заполнил вселенную, он не давал сопротивляться, однозначно и безжалостно ведя за собой. Впервые время превращений подошло так резко и некстати, Виктан даже не знал, исчезнет ли он, чтобы проявиться где-то в другом краю, или, что тоже случилось, останется здесь: безвольный, не способный ни к чему. Он пытался бороться, перед глазами ещё качались фигуры врагов, тело чувствовало резкий толчок не пробившей панцирь стрелы, но то новое, что пришло вслед за звоном, уже не отпускало. Исчез меч, растаяли доспехи, холодом обожгло босые ступни, и лишь затем он осознал себя в ванной, с тупым неудовольствием разглядывающим в зеркале собственное заспанное отражение.

«Виктор Андреевич, – всплыло в памяти имя. – Виктан!» – застонал он и на секунду вернулся обратно, к себе стоящему, услышал призывный клич: «Светлая богиня!» – и поднял было меч, но колоколом ударил стук в дверь, а голос жены: «Виктор, завтрак стынет!» – смял жизнь, оставив его один на один с буднями.

Виктор Андреевич выдавил на помазок сантиметровую колбаску крема и начал бриться.

– Тургор, – бормотал он машинально. – Тургор.

Но это больше не было название страны, а какой-то медицинский термин, имеющий отношение к бритью. Не было тургора у Виктора Андреевича, изжёванное жизнью лицо с набрякшими веками и мятой кожей глядело из зеркала, и бритьё не придавало ему свежести.

Окончив туалет, Виктор Андреевич вздохнул и, внутренне зажмурившись, шагнул на кухню завтракать. Еда не лезла в горло, но отказаться он не смел и послушно жевал разжаренные вчерашние макароны. Таисия уже успела позавтракать и собиралась на работу, курсируя между стенным шкафом, зеркалом и продуктовыми сумками. Каждый раз, когда жена появлялась на кухне, Виктор Андреевич начинал жевать особенно старательно.

Он сам не понимал, почему так ведёт себя, – бояться Таисии не было причин, жили Малявины мирно, считаясь у знакомых образцовой парой. Но, разумеется, Виктор Андреевич ни единым словом не выдавал сияющей жизни, которой жил в действительности, и тайна угнетала, заставляя чувствовать себя виноватым.

Как обычно, по утрам Виктору Андреевичу приходилось заново вспоминать свою биографию, ибо беспамятство, которое мог позволить себе рыцарь Виктан, не дозволялось Малявину Виктору Андреевичу. Виктор Андреевич вспомнил, какой сегодня день недели, вспомнил не машинально действующим телом, а сознанием, что пора идти на работу, и вспомнил, где он работает. Выяснил, какой нынче год и кто такая Таисия. Медленное пробуждение памяти всегда пугало его, казалось, что сейчас появится кто-то, начнет требовательно задавать вопросы, а потом заявит во всеуслышание: «Да он не знает даже, сколько ему лет!» – и тогда... дальше Виктор Андреевич не решался фантазировать, лишь повторял про себя, готовясь к ежедневному экзамену:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.